
Леся Белл
Эхо спящего города

Леся Белл
Эхо спящего города

https://litres.ru/74798558
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если тот, кого ты поклялась уничтожить, становится тем, кого страшнее всего потерять?

Астрея — бессмертная дочь Богини звёзд, могущественная волшебница и бывшая наёмница. За плечами столетия боли и потерь. Она разучилась доверять, а бессмертие считает проклятием.

Её шанс изменить судьбу — Торвейл, город, давно ставший призрачным миражом между мирами. Его жители обречены на вечный сон, и лишь Астрея способна разрушить проклятие.

Но для этого ей придётся заключить союз с Эфилиасом — Богом кошмаров, которого она когда-то помогла уничтожить. Почему он вернулся? Что скрывает о проклятии? И какую цену потребует за помощь?

Она знает: ему нельзя верить. Но чем сильнее пытается оттолкнуть, тем опаснее притяжение.

Он — воплощение её кошмаров. Она — та, кто способен уничтожить его навсегда.

И если ненависть уступит место любви, Астрее придётся решить, что страшнее: снова потерять любимого или однажды

проснуться рядом с чудовищем, которому она добровольно отдала своё сердце.

Содержание

Пролог. Новая цель 5
Глава 1. Город, которого нет 15
Глава 2. В путь 33
Глава 3. Город-мираж 41
Глава 4. Море Ветров 48
Глава 5. Тайна, которую хранило море 56
Глава 6. Русалки 64
Глава 7. Концерт 75
Глава 8. Его видели! 82
Глава 9. Ловля на живца 90
Глава 10. Планы (Пустые разговоры) 102
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Эхо спящего города

Пролог. Новая цель

Дождь не прекращался уже неделю. Аурелия, столица империи Сильвэйн, постепенно превращалась в сплошное болото: улицы тонули в воде, мостовые скрывались под мутными потоками, а город терял свои очертания во влажной туманной дымке. Жители проклинали нескончаемую сырость, но в королевском саду нашёлся тот, кому погода была нипочём. Это была Астрея.

Чёрные волосы липли к плечам, вода стекала с ресниц, а в тёмных, почти бездонных глазах застыла такая печаль, что становилось не по себе. Она не сводила взгляда с мужчины напротив — и эти глаза видели не просто Энделлиона Валентайна, императора Сильвэйна и супруга её подруги Клариссы Селестиан, а самую суть его души.

В воздухе висело густое напряжение. И было ясно: они встретились здесь не ради разговоров о погоде.

В который раз Кларисса вместе со своим мужем пытались поднять ей настроение за последние годы? Не счесть. Всё было бесполезно: Рея опускалась всё глубже и глубже в свои безрадостные мысли. Всё чаще её видели стоящей посреди коридора со взглядом, уходящим в никуда. Всё чаще она, забывшись, начинала бормотать себе под нос невысказанные

в лицо матери упрёки. Жизнь уходила из неё, и лишь бессмертие спасало девушку от гибели. Если бы не оно, возможно, Астрея уже давно свела бы счёты со своей затянувшейся жизнью.

Но Энделлион ушёл, оставив печальную девушку в одиночестве. Её смоляные волосы намокли и облепили лицо. По щекам заструились слёзы, смешиваясь с дождём. Судьба была с ней очень жестока: смерть отца на её глазах, жестокое обучение в храме Бога кошмаров и ремесло наёмницы, убийцы, а затем — подчинение падшему Богу и последовавшее за ним освобождение[1].

Став верной сподвижницей будущей императрицы, Астрея помогла Клариссе и Энделлиону преодолеть многое. И теперь, окунувшись в размеренное существование, Рея чувствовала, что живёт не своей жизнью: церемонии, тихие беседы за чаем, этикет, за короткое время прилипший как вторая кожа… Всё это давило и заставляло всё больше замыкаться в себе.

Казалось сама судьба подталкивала её к этой тихой гавани — и одновременно насмехалась над ней: ведь бессмертие, доставшееся по праву рождения от матери, обернулось для Астреи проклятьем. Оттачивая свои навыки, и без того могущественная дочь Богини звёзд стала грозным оружием, лишь несколько лет назад «списанным со службы».

---

[1] Подробнее о своём прошлом Астрея рассказывает в книге «Эхо забытой клятвы».

«Может, оно и к лучшему, — часто думала Астрея, глядя на себя в зеркало. — Сильнейшая волшебница с маниакально-депрессивным расстройством и суицидальными наклонностями, бессмертная и жестокая… Кому это надо?»

Наконец её старания окупились: свершилось то, чего наёмница так долго ждала. Сегодня правительница Сильвэйна дала Астрее долгожданное задание, которое могло освободить её. Но это был лишь самый желанный вариант развития событий. Как всё обернётся на деле не мог предсказать ни один провидец.

Речь шла о Торвейле — пропавшем городе, который многие называли Эльмиром. Веками он будоражил умы в Сильвастрии — страной лишь недавно ставшей частью империи после объединения с королевством людей Валеном.

Когда-то Торвейл навлек на себя гнев мстительного Бога — и теперь был скован страшным проклятьем. Город исчез из реальности и миражом возникал в разных местах, оставляя в пространстве незаживающие раны.

Никто не мог его спасти. Но Астрея, дочь Астры, должна была взять эту ношу на себя. И выбора у неё не было: пространственно-временная аномалия рвала ткань бытия в прямом смысле этого слова. Прорехи никуда не делись, и «зашить» их можно, лишь вернув город на своё место. Иначе… Кто может сказать, что ждёт нас с изнанки мира? Кто посмотрит на нас с той стороны, когда дыры станут достаточно широки?.. А все создания, которые пропали вместе с То-

рвейлом? Неужели они лишатся шанса вернуться и прожить собственную жизнь, если она не справится?

— Рея, иди во дворец, иначе заболеешь, — произнесла красивая красноволосая девушка, поделившись с Астреей своим зонтом.

Это была Кларисса, императрица Сильвэйна. Друзья звали её Риссой, но Астрея упорно обращалась к ней в соответствии с титулом.

— К чему всё это, Ваше Величество? Заболею — не заболею… Я бессмертна. Лёгкая простуда меня не убьёт.

— Рея, не глупи. Подхваченный насморк магией не вылечить, а это…

— А сопли могут помешать мне в пути. Не волнуйтесь — не заболею.

— Грубиянка, — хмыкнула Кларисса. — Да, столетия преступной уличной жизни из лексикона не выкинешь, даже прикрывая махровым этикетом. Астрея, что ты упрямишься? Я понимаю, что ты не хочешь отправляться в путь из-за своего настроения, но время пришло. В ближайшие месяцы Торвейл появится вновь. Я знаю, что лишь тебе дано снять проклятье, и знаю, что в конце пути ты получишь свою награду.

— На что мне сокровища…

— Это не сокровища… Во всяком случае, явно не в том смысле, который ты вкладываешь в это слово.

— Мне откроется истина, как открылась тебе несколько

лет назад в пещере тысячи огней?

— Да.

— Ваше Величество, нужна ли мне будет эта истина?

— Это сокрыто от меня пеленой тёмного тумана.

— Странно. Тёмный туман ассоциируется у меня с матерью. Или с Эфилиасом. Но второй повержен вами.

— Нами, Астрея. Не умаляй своей заслуги и заслуг наших друзей. Мы сделали это вместе, объединив наши силы. Убери одного — и мы бы проиграли тот бой.

— Тогда это была Астра?

— Вполне возможно, что сама Астра скрыла от меня твою судьбу. Кто знает, может быть, это к лучшему.

— Как это может быть к лучшему? Скажите, как?

— О, неужели ты не помнишь нас с Дэлом? Предсказания говорили одно, сердце — другое, но в итоге всё обернулось совершенно иначе. Играя нашими судьбами, Боги наверняка искренне смеялись, глядя на то, как мы ходим кругами, не догадываясь об ошибке. Всего лишь ошибке родителей Энделлиона и Элиена. Назвав старшего сына именем моего возлюбленного из прошлой жизни, они думали, что судьба определена. Но я полюбила младшего… Как же мы были удивлены, когда в последний момент всё встало на свои места[2].

— Да уж, вы настрадались. Что в первой жизни, что во второй. И всё же, Ваше Величество, я боюсь.

---

[2] Этот сюжет подробно раскрывается в книге «Эхо забытой клятвы».

— Чего же, Рея? Что может привести в ужас бесстрашную наёмницу, чьё имя многих приводит в ужас?

— Того, что моей мечте не суждено свершиться. Того, что я не смогу спасти город и его жителей. И поэтому я… сомневаюсь, стоит ли вообще браться за это задание.

— Кто сдался даже не попробовал — заранее проиграл. Имей терпение дойти до конца и увидеть финал этой истории. Ты столько ждала развязки… Подожди ещё немного.

— Да… Я ждала…

Девушка резко поднялась, и, словно по приказу, дождь утих. Капли перестали барабанить по мощёным дорожкам, а тяжёлый серый покров неба расступился, пропуская робкий луч солнца. Он скользнул по мокрым деревьям и лёг на лицо Астреи.

Воздух теперь звенел от внезапной тишины — такой пронзительной, что было слышно, как стекают последние капли с листьев раскидистого дуба у ограды. Ветер ворвался в сад, взметнув подол плаща Астреи.

— Ваше Величество, вам кто-нибудь говорил, что шутки с погодой могут плохо кончиться?

— Говорили. И не раз. Но я не шутила с погодой, — невинно улыбнулась императрица, будто не она сделала привязку погоды на эмоции Реи. — Просто мне показалось, что ты хандришь из-за затянувшегося ненастья, вот и сплела заклинание на безоблачное небо, пока мы разговаривали.

— Вы никогда не изменитесь, Ваше Величество, никогда!

Даже если нарожаете два десятка ангелочков вроде Кристофера и Лорейн.

— Ох, не приведи Селестия! Я, конечно, не против детей, но уж слишком активной получилась у нас эта парочка. Матушка Энделлиона говорит, что дети характером пошли в него. Что будет в следующий раз?!

— Молитесь, чтобы следующие дети пошли в вас, Ваше Величество.

— Ох, ну и зануда ты, Астрея.

— А вы бываете слишком легкомысленной.

Так, обменявшись шпильками, подруги надолго замолчали. Каждая думала о предстоящей миссии Астреи, о шагах, которые той необходимо предпринять, и о том, чего делать категорически не следует.

— Рея, — вдруг сказала Кларисса, — я хочу тебе задать один личный вопрос. Он будет тебе неприятен, но мне важно это знать перед тем, как ты уедешь.

— Что? Да, конечно, Ваше Величество.

— Я помню, ты рассказывала мне о своём возлюбленном. Почему… Как ты решилась…

— Убить его? Да, вы правы, вопрос мне неприятен. Более чем неприятен. Мне до сих пор больно вспоминать об этом, — Рея помолчала, но затем продолжила. — Почему я убила Дерека… Почему сделала шаг ко тьме?..

Астрея снова помолчала, собираясь с мыслями и вспоминая ту страшную историю. В итоге она повернулась к Кла-

риссе и продекламировала:

Можно ли любить, не разделяя
Убеждений друга своего?
Можно ли любить, не одобряя
В нём почти буквально ничего?
Развела по мыслям и по взглядам
Нас давным-давно судьба,
Стала наша жизнь почти что адом —
Не спасала ближнего мольба.
Как же мне любить, не уважая,
Говорить о нежности навек,
При этом ясно понимая,
Что любимый — низкий человек.
Говорят, любовь не замечает,
Где какая протекает грязь:
Все сомненья вмиг сметает
Ставшая уж роковою страсть.
Как же мне любить, не уважая?
За него дружить и враждовать…
Нет, такого я не понимаю
И, наверно, не смогу понять.

Кларисса тревожно вглядывалась в лицо Реи и ждала продолжения. Тень неуверенности застыла на её лице. Несмотря на то, что императрица поняла намёк подруги, ей надо было услышать всё прямым текстом, чтобы определить: готова ли Астрея исполнить свою судьбу. Но дочь Астры молчала,

считая, что высказалась вполне конкретно.

— Так ты… — не выдержала Кларисса и всё-таки нарушила молчание.

— Смогли бы вы простить Его Величество и быть рядом с ним, если бы знали, что в душе он плохой человек? Что он убивал ради власти, предавал из зависти? Был подлым и низким по отношению к своим же друзьям? И даже к вам приблизился имея собственные цели?

— Я… Я не могу представить его таким.

— Я тоже не могла представить Дерека… «таким». Но именно «таким» он и оказался. Было больно. Но я поняла, что должна это сделать. Я должна была убить его, иначе пострадали бы многие люди.

Кларисса ещё некоторое время вглядывалась в лицо подруги, а затем проговорила:

— Ты готова. Теперь я уверена в этом.

— Мне пора собираться в путь. Многое нужно сделать перед отъездом.

— Загляни в нашу библиотеку. Обязательно загляни. Я уверена, ты найдёшь там много полезного, Рея.

— Ваше Величество, почему вы вечно пытаетесь заставить меня хоть что-нибудь прочитать? — проворчала девушка. — Я уже насиделась в библиотеках, пока мы искали толкования пророчества и учили специфику рун гномов, чтобы проникнуть в их сокровищницу.

— А ты недооцениваешь пользу книг, — рассмеялась в

ответ молодая императрица.

Астрея ещё немного поворчала и всё же решила воспользоваться советом подруги. Хуже не будет.

— Ваше Величество, вы думаете, я действительно справлюсь? — медленно выговаривая слова, спросила Астрея.

— Да, я считаю, что ты справишься, — спокойно ответила императрица.

— Тогда стоит рискнуть и начать путешествие.

Девушка развернулась и пошла во дворец, а Кларисса ещё долго смотрела ей вслед. Юной императрице почему-то не верилось, что Рея может погибнуть: в прошлом — тренированная убийца, а ныне — одна из сильнейших магов в мире. Что может пойти не так? Рисса знала: наёмница не успокоится, пока не разгадает тайну. Императрица улыбнулась своим мыслям. Несмотря на то, что многое было скрыто от волшебницы, она ясно видела, что именно это незнание приведёт дочь Астры к счастью.

Глава 1. Город, которого нет

В огромной библиотеке Аурелии время текло иначе. Не по обычным часам и лунным циклам, а по шороху переворачиваемых страниц, по мягкому потрескиванию осветительных шаров, паривших под сводчатыми потолками на высоте в три человеческих роста.

Светильники знали своё дело: одни разгорались ярче, стоило читателю склониться над строкой, другие приглушались, когда чтение подходило к концу и книга закрывалась — ну точно бережливые и внимательные слуги, не желавшие тратить зря ни капли магии.

Стеллажи из тёмного морёного дуба поднимались от пола до самых сводов, и добраться до верхних полок можно было лишь по лестницам с перилами, отполированными тысячами ладоней. Книги стояли тесно, корешок к корешку: истончённые временем пергаменты, тяжёлые фолианты в кожаных переплётах с серебряными застёжками, свитки, укрытые в трубки из кедра, таблички из выжженного дерева — памятники эпох, о которых давно забыли все, кроме некоторых избранных учёных, поставивших себе цель раскрыть загадки истории.

И в этом храме знаний я сидела за длинным столом со столешницей из цельного камня. Перед мной лежал раскрытый фолиант — пухлый, необъятный, в переплёте из потемнев-

шей бронзы; его обложку украшал барельеф: два лица, обращённые друг к другу, — одно в лучах, другое в полумраке. Книга называлась «Начало начал» и содержала в себе все известные легенды разных народов.

«Прежде чем возник мир, не было ни дня, ни ночи, ни гор, ни рек, ни дыхания жизни — лишь бескрайняя пустота, холодная и безмолвная, в которой даже ветер не смел шевельнуться. Имя ей — Безмолвное Море Покоя. В нём не звучало ни единого слова, не рождалось ни единого эха, и сама вечность дышала ожиданием того мига, когда тишина будет нарушена первым звуком, первым лучом, первым движением — тем самым, что положит начало всему сущему.

Из этой бездны явились двое. Первым пришёл Солар, владыка солнечного света, а следом за ним — Селестия, хранительница лунного сияния. Они были рождены в согласии единого замысла, потому и стали супругами, двумя половинами одного целого: он — как жар и сияние дня, она — как прохлада и тихий свет ночи. Их появление знаменовало, что мир не может существовать без равновесия, без того, чтобы свет имел тень, а тепло — прохладу.

Так утвердился первый закон мироздания: гармония рождается из единства противоположностей. Солар и Селестия дополняли друг друга, но, даже обретя очертания, мир оставался безжизненным — прекрасный, но пустой чертог, ждущий своих обитателей. Он был подобен великолепному дворцу, в котором ещё не зажгли ни одного светильника, не

развели огня в очагах и где не прозвучало ни одного голоса.

Тогда супруги, соединив волю и силу, простерли руки над бездной. Из ладоней Солара хлынули лучи золотого света, из ладоней Селестии — поток серебряного. Сияние смешалось, сплетаясь в единый узор, и вдохнуло в землю душу. Там, где оно касалось поверхности, пробуждалась способность рождать жизнь: прорастали травы, тянулись к небу деревья, в реках зарождалось движение. Земля впервые вздохнула, и это стало первым ветром, который пронёсся над ещё юными холмами, шелестя в молодой листве.

Склонившись над самой тёмной частью бездны, Боги рассеяли свою силу. Свет рассыпался мириадами искр — и так родились звёзды. А из этих искр, впитавших в себя и солнечное тепло, и лунный покой, появилась Астра, Богиня звёзд, — дочь Солара и Селестии, живое воплощение их союза. Она взяла звёздную нить и расплела её по небесному полотну, связав воедино день и ночь, свет и тьму. С тех пор звёзды стали картой вечности: они указывают путь странникам, шепчут о грядущем и хранят память о минувших эпохах.

Но предание не скрывает и иной правды: в глубинах безмолвного космоса, куда не проникал ни солнечный, ни лунный свет, пробудилось нечто иное. Из самых дальних уголков мрака, порождённого границей света и тьмы, открыл глаза Эфилиас, Бог кошмаров. Он не был создан волей Богов — он явился как обратная сторона гармонии, как тень, неотделимая от света. Названный брат и Солара, и Селестии, он

принёс в мир страх и сомнения, но не ради разрушения, а ради испытания: лишь преодолевая тьму, душа может по-настоящему увидеть свет. Его появление было не проклятием, а необходимостью: мир, знающий только свет, не смог бы ценить его, не понял бы, что такое тепло, если бы не знал холода, не узнал бы радости, если бы никогда не ведал печали.

Поэтому, продолжая творить новый мир и понимая, что равновесие требует и света, и тени, Селестия вплела лунный свет в сны своих детей — так появились грёзы, способные исцелять, дарить надежду и ограждать от кошмаров. Солар даровал силу пробуждения, чтобы каждое утро всё возрождалось заново, и каждый рассвет стал обещанием, что тьма никогда не победит окончательно. Астра связала судьбы живых со звёздными путями, позволяя каждому найти своё место во вселенной и понять, что он — не случайная искра, а часть великого узора. А Эфилиас научил смертных смелости: ведь только встретившись со страхом лицом к лицу, душа обретает истинную стойкость, учится не бежать от тьмы, а видеть в ней мудрость и силу.

И по сей день, когда солнце восходит над горизонтом, луна отражается в водах, звёзды шепчут древние истории, а ночные страхи отступают перед рассветом, мир помнит о божественной чете и их великом замысле. Ибо истинная гармония бытия рождается в единстве света и тьмы, любви и испытания, созидания и преодоления. Так гласит предание, так написано в книге, и так верили наши предки, зажигая ог-

ни в своих домах и глядя на небо, полное звёзд, считая, что в каждом из этих огоньков живёт частица той самой первой искры, с которой всё и началось…»

Я выругалась и перелистнула добрых пять сотен страниц толстенной книги.

«В Сильвастрии, стране магов, был город, словно благословлённый Богами, — Торвейл. Он раскинулся на пересечении великих торговых путей — и оттого был богат и славен. Плодородные земли щедро дарили урожай, а жители, крепкие, цветущие, довольные своей долей, казались соседям почти безупречными: в них видели и чистоту помыслов, и пылкий нрав, и редкую гармонию — прекрасными не только телом, но и душой. Недаром Торвейл слыл столицей не одной лишь торговли, но и искусств, и ремёсел: здесь умели ценить красоту и превращать труд в творение.

Казалось, ничто не могло нарушить идиллию, царившую в Торвейле. Но случилось непоправимое. Прекрасная девушка по имени Злата полюбила Максима, который в то время был наследным принцем Сильвастрии и прибыл в священный город на театральный фестиваль. Влюблённые могли бы быть вместе, но Эфилиас, видя истинную любовь пары, внезапно почувствовал свою ущербность, воспылал завистью и потребовал принести Злату в жертву ему. Несчастные дети от всей души вознесли молитву к Богам, и они были услышаны. Брат с сестрой запретили Эфилиасу требовать человеческие жертвы, но Повелитель кошмаров не угомонился.

Он похитил Астру, выставив ультиматум: пусть ему вновь дозволят принимать людские жертвы. Боги отвергли его требование, и тогда между высшими силами вспыхнула война — небеса содрогнулись от столкновений божественных воль. Эфилиас, хоть и был вынужден отступить, не смирился с поражением. В его груди кипела ярость, и он жаждал отомстить тем, кого винил в своём унижении.

Собрав всю свою мощь, владыка страха обрушил проклятие на Максима и Злату. Ему не нужно было видеть их или знать, где они скрываются: его природа давала власть пронзать пространство и время. Сила, сотканная из теней и отчаяния, настигла влюблённых, невзирая на любые преграды.

— Я, Эфилиас — истинное воплощение кошмаров, проклинаю вас! — закричал он, и голос прозвучал ударом грома. — Живите вечно и будьте вечно несчастны! Каждое мгновение станет для вас горше разлуки, а каждый взгляд — острее ножа! Любовь же, что связала вас, обратится в цепь: чем крепче она будет держать, тем больнее вам станет дышать. И не найдёте вы ни покоя, ни забвения, ибо будете вы рядом, но не в силах прикоснуться друг к другу. И сколько бы лет ни миновало, ни один рассвет не принесёт облегчения, а ни один закат не подарит надежду. Да свершится моё слово!

В этот момент Злата и Максим сидели на разных берегах ручья: девушка звала его к себе, протянув руку, а юноша, сорвавший редкий цветок для возлюбленной, собирался переплыть реку. Так они и застыли, не в силах вернуться друг к

другу. Их мозг продолжал работать, сердца — биться, глаза — видеть, но сдвинуться с места они больше не могли.

Так они и остались — вечно молоды и вечно несчастны…

Столетия простояли они, глядя друг на друга с разных берегов, пока однажды живые статуи не нашли озорные мальчишки из Торвейла и не рассказали о них местной колдунье. Это была волшебница Алёна, обладавшая силами природы. Она знала легенду о несчастных влюблённых и постаралась оживить их. Увы, женщина оказалась недостаточно умелой и не смогла вернуть юношу и девушку к жизни. Тогда колдунья обратилась с мольбой к Богам, но её не услышали, а если и услышали, то не захотели ответить…

И тогда в отчаянии Алёна закричала:

— Как можете вы быть столь жестокими, владыки мира?! Так пусть же проклятие обернётся против вас!

То, что не смогли сделать мольбы, с лёгкостью совершило проклятие: Эфилиас явился перед дрожащей женщиной и заговорил:

— Сколько прошло лет? Много… Я знаю, что много… Эти дети стоили мне силы… В своей ярости я проклял их своим могуществом и сам стал почти что человеком…

— Кто ты? — дрожащим голосом спросила Алёна, уже понимая, кто стоит рядом с ней.

— Ты не узнала меня, чародейка? Я — господин страхов, повелитель тьмы и Бог кошмаров — Эфилиас. Теперь я восстановлю свои силы, разрушив статуи!

— Не бывать этому! — сказала Алёна. — Пока ты слаб, я смогу прогнать тебя так же, как и призвала!

Эфилиас лишь рассмеялся. Но повелитель кошмаров в очередной раз недооценил противника: Алёна воспользовалась мощным артефактом, который преобразовал её силу в защитное поле, окружившее статуи. Когда женщина упала, Эфилиас усмехнулся бессмысленности поступка, но он не ожидал, что барьер, рождённый отчаянием и последней силой умирающей волшебницы, оказался не просто щитом. Алёна, отдавшая за это заклинание всё — до последней капли жизни, — вложила в него нечто, чего не ожидал даже Эфилиас: свою любовь к городу и его людям. И это чувство, чистое и яростное, сплелось с древней магией артефакта, обрело собственную волю и обрушилось на весь город абсолютной защитой — сонным покровом.

Торвейл заснул.

Замерли качели на площадях, остыл недопитый чай на столах уличных кафе, оборвалась на полуноте колыбельная, которую напевала мать ребёнку. Вода в фонтанах застыла в воздухе, ветер улёгся, птицы замерли с раскинутыми крыльями, и даже дым из труб повис в воздухе неподвижными серыми клубами.

Сон был не смертью, но ни один житель Торвейла больше не мог пошевелить пальцем.

Не успел Бог кошмаров прийти в себя от неожиданности, как прямо перед его глазами растаяли фигуры Златы и Мак-

сима. Он перевёл взгляд на городские стены, которые должны были виднеться вдалеке, но увидел лишь лес, нетронутый человеком.

Эфилиас взревел от ярости. Он понял, что произошло: магия Алёны, усиленная артефактом, обернула против него его же собственное проклятие. Он проклял Злату и Максима на вечное бодрствование в неподвижных телах — и теперь весь Торвейл разделил их участь: вечный сон без пробуждения.

Эфилиас, оставшись ни с чем, был вынужден убраться в глубины космоса, из которых он когда-то был рождён. Там он зализывал свою раненую гордость и восстанавливал силы, чтобы вернуться и вновь нарушить созданную с его же помощью гармонию…

Прошли годы, потом десятилетия, потом века — Торвейл стал легендой. Путники рассказывали о прекрасном городе, исчезнувшем с лица земли. О том, что цветы там не вянут, вода не пересыхает, а жители замерли и не в силах вернуться к жизни.

Но город не давал забыть о себе. Зыбкой иллюзией он появлялся в разных местах, будоража умы путешественников и учёных. Кто-то говорил, что слышал тихое пение. Кто-то клялся, что видел, как кто-то внутри бродит между спящими. Но войти не мог никто».

Я подняла глаза от книги и вслух, от души выругалась: уж слишком явно искажается истинная история. Эфилиас был

ещё той сволочью, но едва ли настолько, чтобы завидовать человеческой любви. Как всё было на самом деле? И все ли книги здесь настолько предвзяты?

И эта Алёна, выставленная святой защитницей… Что за дивный артефакт у неё был? Какой же лютой силой она обладала, если смогла укрыть целый город? Вопросы роились в голове, цепляясь друг за друга, и ни на один не находилось внятного ответа.

Снова выругавшись, я с громким хлопком закрыла книгу. Неужели Кларисса не могла просто сказать мне, какую следует взять книгу? И желательно открыть на нужной странице? Королевская библиотека, насчитывающая тысячи книг, была прекрасным местом для поиска информации. Но времени искать её не было.

Смотрительница библиотеки, госпожа Эльвира, с удовольствием помогала мне, но пока попадались лишь общеизвестные легенды да комментарии «мудрейших» теоретиков, мало что смыслящих в практической магии. Это же надо — перепортить столько бумаги на одну и ту же тему, но толком ничего и не сказать! Одни предположения и ни строчки полезной информации. Неужели это изучают в высших школах? Пустая трата времени и сил!

Рассеянно перебирая стопку книг, я пыталась найти хоть что-нибудь, что может пригодиться мне в пути. Наконец, взгляд наткнулся на золотистый потрёпанный переплёт тонкого издания «Редкие, ранее не изданные предсказания о То-

рвейле». Надеясь, что найду там нечто более полезное, чем давно известные трактовки старых пророчеств, я раскрыла книгу.

Кроме стандартных легенд об исчезновении города в книге обнаружилась историческая справка о его названии — достаточно редкая информация.

«Строго говоря, истинное название города — Торвейл, как называли его сами жители Сильвастрии, — писал автор книги. — Эльфы стали называть его Эльмир лишь после исчезновения, и переводилось это буквально как „город, которого нет“. Как водится, с лёгкой руки дивного народа название распространилось, и ныне мало кто помнит, какое из них верное».

Действительно, редкость в наши дни — получить из книги предсказаний такую информацию. Сегодня вообще мало кто интересуется Торвейлом: эту неловкую тему стараются обходить стороной, точно боясь потревожить призраков.

Пролистав несколько страниц и пропуская уже известные мне пророчества, я наткнулась на незнакомое и совсем непонятное:

Безмолвно две души кричат,
Сердца их разрываются от боли.
Муж пламенем любви объят,
Но трудно злу держать себя в неволе.
Здесь, дочери бессмертной нить,
Готова оборвать себя навеки,

Но сможет ли? Не попадёт ль в сеть?
Поднимет ли сомкнувшиеся веки?
Здесь правды нет, и ужасом объяты,
Два грешника, что в жертву принесут.
Замки раскрыты, все оковы сняты,
Склон одиночества предельно крут.
Решение даётся с острой болью,
Такой, что выдержать не всякому дано.
Смирится Ужас с новой ролью?
И примет ли Звезда, что суждено?

При чём тут Торвейл? Это же просто какое-то любовное стихотворение… Но… Нет. Нет, что-то тут нечисто. Обычный стих не включили бы в этот сборник. О чём же это?

Возможно, две души — это Злата и Максим? Это объясняет и их боль, и пламя любви. Особенно если они сохранили своё восприятие от органов чувств. Нет, это сомнительно, но вот остальное вполне сгодится за рабочую теорию.

Бессмертная дочь и Звезда — это, видимо, я, и, судя по всему, имеется в виду либо моё бессмертие, либо моя жизнь. Вот только что я должна сделать? Пожертвовать ими без сожаления? Легко. А вот кто такие «два грешника»? И «Ужас»? Ответ напрашивался неутешительный: это явный намёк на Эфилиаса. Только вот загвоздка была в том, что мы во главе с императрицей Клариссой и императором Энделлионом победили его…

Нет, что-то не сходилось. Я понимала, что где-то упускаю

ключевой момент, но вот где именно?

«Склон одиночества предельно крут»… О, Боги! Это же почти вся моя жизнь. Воображение тут же нарисовало девушку на вершине крутой скалы. На небе — грозовые облака, внизу — бушующее море. Ветер треплет длинные чёрные волосы. Девушка смотрит вниз на бурные волны, её тонкая фигурка съёжилась от холода. Губы плотно сжаты…

Я помотала головой, отгоняя навязчивое видение. Да уж. Картина маслом: «Одиночество».

— О, неужели я дождалась! Рея — и за книгой! — ко мне неспешным шагом, с лёгкой улыбкой на губах, приближалась Кларисса.

— Ваше Величество, чем ехидничать, лучше поглядите, что тут нашлось! — я сунула книгу под нос подруге. — Этого пророчества я ещё не видела. Пытаюсь разобраться, поможете?

Кларисса проглядела текст пророчества и внимательно посмотрела на меня. В её голубых глазах промелькнула тревога.

— Я знаю это пророчество. Но его смысл так же скрыт от меня, как и от тебя. Ты всё узнаешь в своё время.

— Ох, Ваше Величество, мне кажется, что вы откровенно… лукавите.

— Нисколько. Я могу подозревать, догадываться. Но знать — не знаю.

Некоторое время я буравила императрицу взглядом, но

потом вздохнула и смирилась: если Кларисса не хочет чего-то говорить, то она и не скажет этого. Как ни пытай.

Да, выросла девочка, выросла. Из заносчиво-застенчивой принцессы осталось очень мало. Теперь это по-настоящему мудрая женщина, которая правит железной рукой. Впрочем, Кларисса всегда была доброй, так что она и теперь использует больше пряник, чем кнут. За что народ её и любит.

— Ваше Величество, вы искали меня специально? — вздохнула я, снова подвинув к себе книгу. — А то время поджимает. Слишком много ещё нужно прочесть перед отъездом. Если вы только не желаете сэкономить мне время…

— Конечно! Что ж ты раньше не спросила?! — императрица, только и ждавшая прямой просьбы, выхватила у меня из рук книгу и стала быстро её листать. Она явно хотела скорее перевести моё внимание на что-то ещё, кроме этого злосчастного пророчества. Что же скрывает моя подруга? И, главное, зачем?

— Ваше Величество, а вы уверены, что взяли нужную книгу?

— Конечно! Источник-то ты нашла, но вот до нужного пророчества добраться не успела… Вот!

Многострадальный томик шлёпнулся передо мной, раскрытый на нужной странице. Взяв в руки книгу, я прочла вслух:

Ты — роза, безразличия полна,

Всегда прекрасна, но и холодна;

И холодность твоя тебя погубит,
Любимый твой — твой стебель срубит.
Ты кажешься себе такою стойкой:
Безмерно сильной, неизменно ловкой,
Но лишь дерзнешь раскрыть свои объятья,
Ты вспомни: действует проклятье.
Тот ядовитый плющ совсем не чист,
Опасен он, коварен и тернист:
Погибнет тот, что листьями укрыт,
Исчезнет, но, пока в плюще он спит.

Я замолчала, осмысливая прочитанное. Роза, плющ… Что за бред? Ещё одно любовное послание, на этот раз с цветочными метафорами. Неужели нельзя писать предсказания просто и ясно? Пойдёшь направо — умрёшь, пойдёшь налево — выйдешь замуж, пойдёшь прямо, а потом направо — снимешь проклятье с города…

— Ваше Величество… Моя бесценная подруга, — с ехидцей начала я, — а вы уверены, что это всё об Эльмире?

— Солнышко моё, — в тон мне ответила императрица, — насколько я знаю, это не только о Торвейле, о и тебе.

— Что?

— Как тебя зовут? — посмотрев мне в глаза, Кларисса задала неожиданный вопрос.

— Что?

— Как тебя зовут?

— Ваше Величество… — начала я в раздражении, но уси-

лием воли подавила его: за императрицей не водилась привычка задавать мне бессмысленные вопросы. — Астрея.

— А ещё?

— О, Боги! Ваше Величество, вы и мёртвого достанете! Ночная ведьма, Мара, Убийца…

— Нет, подожди… Скажи мне своё настоящее имя. То, которое Богиня Астра дала тебе при рождении.

— Но она не дала мне имени.

— А если хорошенько подумать?

Я закрыла глаза и погрузилась в далёкие воспоминания. Отец много рассказывал мне о матери. В том числе и о её просьбе.

— Когда Астра принесла меня отцу, она оставила меня с запиской, в которой было сказано, что он может воспитывать меня как пожелает, лишь об одном она просит: чтобы назвал меня в честь прекрасного, ароматного цветка с острыми шипами, который она видела в садах нашего мира. Но Каэрон не сделал этого, потому что считал, что ни один земной цветок не достоин, чтобы его имя носила дочь звёздной Богини.

— А твой отец был поэтом…

— Он слыл мудрецом… И всё же… Памятуя об единственной просьбе своей возлюбленной, он дал мне второе имя — Розалия. И иногда звал своей маленькой бесценной розой. Надо же… Я совсем забыла об этом. Интересно, откуда ты знаешь то, о чём я предпочла запамятовать.

— У меня свои источники, — уклончиво ответила Кла-

рисса, давая понять, что тема закрыта.

— Тогда вернёмся к первому вопросу. Ты считаешь, что роза из пророчества — это я?

— Да. А вот плющ… Ты помнишь, у какого Бога плющ являлся священным растением?

— У Эфилиаса! О нет, только не снова! Может быть, имеется в виду нечто иное? Может, это о прошлом?

— Нет, — Кларисса с сочувствием покачала головой, — даже не надейся. Это пророчество ещё не свершилось.

Я покачала головой. Неужели снова?! Не может быть. Он мёртв!

— Ох, постой! — я снова схватилась за книгу пророчеств и стала листать в обратную сторону, до первого предсказания. — Смотри, они перекликаются?

— Ты уверена?

— Да! Тут есть и про одиночество, про любовь! Если твоя теория с плющом верна, то Ужас — это Эфилиас, но как он может зажать страх в кулак? Получается, что наш враг сыграет решающую роль в спасении страны?

Мы с Клариссой долго обсуждали пророчества. Подключились и библиотекари, и теоретики пророчеств. Но никто не смог объяснить, что всё это значит, почему в предсказаниях о пропавшем городе внезапно вмешивается любовь и откуда вдруг возник Бог, погибший в битве с нами пять лет назад.

А между тем времени становилось всё меньше.

Я чувствовала, что зря пришла в библиотеку. После прочтения пророчеств вопросов появилось ещё больше, чем было раньше. И уж точно больше, чем ответов. С тяжёлым сердцем я готовилась отправиться в путь.

Глава 2. В путь

Комната, где я жила, пряталась в дальней части дворца — в том крыле, куда редко заглядывали придворные и почти не доносился гул парадных залов. Здесь было невозможно встретить случайного гостя: лишь служащие дворца изредка проходили по коридору, стараясь не потревожить взыскательную гостью, больше всего желавшую покоя. Тишина стала для меня чем-то вроде доспеха, защищавшего от мирского шума.

Высокие окна впускали много света, но тяжёлые портьеры служили надёжной преградой, превращая его в тёплое янтарное сияние. В лучах, пробивавшихся сквозь тонкую вуаль тюли, медленно кружились пылинки, похожие на крошечные звёзды, застывшие в полёте. Иногда я замирала, отмечая, что слежу за их танцем, пытаясь угадать в нём какой-нибудь узор, и тогда сравнивала себя с разомлевшим на солнышке ленивым котом.

В углу темнел резной шкаф, чьи полки хранили памятные вещи. Я редко к ним прикасалась, но знала каждую до мельчайших деталей: стопку писем, перевязанных выцветшей лентой; маленькую деревянную фигурку коня — её вырезал для меня старый мастер в одном из приграничных городков; подарки от друзей, ставших мне роднее матери…

На низком столе из тёмного дуба, отполированного вре-

менем до шелковистого блеска, лежал золотой медальон. Его крышка была украшена тонкой гравировкой — завитками, похожими на морозные узоры, и крошечной звездой в центре. Внутри хранился потрёпанный обрывок того самого одеяла, в котором мать подбросила меня к отцовскому шатру.

У стены стояла узкая кровать с балдахином из той же бархатной ткани винного цвета, что и портьеры. Её тяжёлые складки приглушали даже самый тихий звук, создавая ощущение уединённого кокона, отрезанного от остального мира. Иногда, лёжа под этим балдахином, я представляла, что весь дворец исчез, а осталась только эта комната — и я в ней.

По периметру тянулись невысокие полки, уставленные книгами путешественников и летописцев в кожаных переплётах, а также небольшими предметами, собранными в разных уголках империи: крошечным фарфоровым драконом из восточных земель, осколком янтаря с застывшим внутри насекомым, изящными бронзовыми песочными часами, заполненными сияющим чёрным песком. Всё это не было коллекцией в привычном смысле — скорее следами прожитых дней, молчаливыми напоминаниями о дорогах, по которым я уже прошла.

Бессмертие давно уже вытравило из меня всю суетливость и привычную человеческую спешку. Я собиралась в путешествие с той размеренной, почти отстранённой точностью, какую обретают те, кто видел слишком много рассветов и зака-

тов. Вещевой мешок стоял раскрытым, но в нём не было ни лихорадочного нагромождения вещей, ни предметов, ставших результатом мучительных раздумий на тему «а вдруг понадобится». Я укладывала только то, что пригодится в пути: тонкий плащ, способный укрыть от ледяного ветра горных перевалов и не стеснить движений в переполненной таверне; кинжал с рукоятью, стёртой от бесчисленных прикосновений; карты; несколько необходимых комплектов одежды; огниво; да небольшой мешочек с лечебными травами.

Поверх аккуратно сложенных вещей я положила маленький хрустальный флакон с серебристой жидкостью — мой личный запас бесценного лунного эликсира, который не раз помогал затянуть раны. Рядом лёг моток прочной верёвки, сплетённой из волокон горного льна. А в боковой карман я упрятала компас с потемневшей от времени медной крышкой: стрелка его была зачарована и никогда не сбивалась даже в землях, где привычные законы природы давали сбой.

Завершали сборы маленькая жестяная коробочка с набором тонких игл и крошечным мотком чёрной нити из редчайшего волшебного шёлка — на случай, если придётся штопать не только одежду, но и собственное тело. Убедившись, что всё на месте, я потянула за шнуры, затягивая горловину, и на мгновение замерла, прислушиваясь к тишине комнаты. Мой взгляд снова упал на золотой медальон, лежавший на краю стола.

Я грустно улыбнулась, и пальцы едва коснулись гравиров-

ки — и тут же отпрянули. Я не собиралась брать его с собой… Не потому, что вещь была физически тяжела, а потому, что её вес оседал в памяти. И эта память никуда не исчезнет, даже если оставить медальон здесь.

Задумавшись, я автоматически проверила, надёжно ли затянуты узлы. Руки задержались на грубой ткани — я безуспешно пыталась уловить тень сомнения или искру привычной человеческой тревоги. Но внутри была только тишина. Не пустота, а именно тишина — тяжёлая, выстраданная, сотканная из веков, что легли на плечи.

«Очередное путешествие… — мысль скользнула тихо, почти неслышно. — Сколько их было? Сотни дорог, тысячи рассветов над чужими землями, города, сливающиеся в один бесконечный узор из камня и дыма… И можно ли было хоть одно место, где я побывала, считать своим домом? Пожалуй, что нет… Даже эта комната во дворце любимой подруги — временное пристанище. А теперь, прожив здесь несколько лет, мне снова пора отправляться в путь. И впервые страшно не от того, что ждёт впереди, а от того, сколько осталось позади».

Подойдя к окну, я отодвинула дымчатую ткань и посмотрела на тёмное небо, где звёзды и луна едва пробивались сквозь пелену облаков. Меня продолжала терзать мысль о том, что завтра я отправляюсь на своё, возможно, последнее задание. Часть меня безумно жаждала этого, но другая невыносимо боялась.

Я никогда не считала бессмертие даром. И пусть отец говорил мне, что вечность — это возможность увидеть всё, узнать всё, становиться мудрее с каждым годом: он верил, что время — лучший учитель. Но я… очень рано поняла, что этот учитель безмерно жесток. Он не даёт забыть. Ни одной ошибки. Ни одной потери. Ни одной пролитой слезы. Время не стирает боль — оно делает её тяжелее, потому что она копится, оседая невыносимым грузом на сердце. Пока однажды ты не перестанешь чувствовать себя под этой тяжестью, свыкаясь с таким существованием.

Но, несмотря на всё это, свои немногие счастливые годы я помнила с невероятной чёткостью. В детстве отец, мудрый и тихий Каэрон, сажал меня на колени и рассказывал о звёздах. Его голос был тёплым, как летний вечер, и в нём не было ни упрёка, ни горечи — только бесконечная нежность и тихая грусть по возлюбленной, с которой ему было не суждено встретиться снова.

«Он называл меня своей маленькой звездой, — впервые за долгое время я позволила себе улыбнуться, и улыбка эта была не горькой, а светлой, хоть и тронутой печалью. — Говорил, что звезда должна уметь защищать себя ото всех, кто посягает на её сияние. Что самозащита — не зло, а способ уберечь себя и свою душу».

И я старалась быть такой. Старалась не сломаться. Но иногда мне казалось, что я слишком долго строила свою внутреннюю стену… Слишком сильно хотела научиться убивать.

И теперь, когда хочется просто протянуть руки для обьятий, мои когти всё ещё царапают тех, кто подходит близко.

О чём же думала моя мать, когда в порыве безумной любви к человеку получила в «подарок» беременность и ребёнка? Почему не стала воспитывать меня сама? Ни разу не спустилась с небес, не обняла… Она же точно знала, что по земле ступает нога её дочери. Знала и то, что я рано осиротела. Знала, как жестоко погиб её возлюбленный от рук фанатиков Эфилиаса. Но всё это не имело для далёкой Богини никакого значения.

Лишь однажды она помогла мне — уничтожив тайный храм Бога кошмаров, позволив мне сбежать и начать собственную жизнь.

Пальцы снова коснулись медальона — на этот раз не отступая. Я взяла его, почувствовала прохладный металл.

«Я не возьму его с собой, — напомнила себе я, но не с прежней твёрдостью, а с покорностью. — И если я вернусь… если когда-нибудь смогу снова сесть у очага и слушать, как дождь стучит по крыше, я возьму его снова. А если нет… пусть он останется здесь. Кларисса найдёт ему применение: спрячет в музей или в сокровищницу».

Я положила медальон обратно на стол, и стук, с которым он коснулся дерева, прозвучал в тишине комнаты очень громко.

Пора было готовиться ко сну, и я юркнула в кровать, надеясь, что быстро провалюсь в сон: ранним утром предсто-

яло выходить в дорогу. Я совсем не любила прощаний и надеялась сбежать без лишних объяснений. Но сон всё не шёл. Вместо него наконец пришло ощущение предвкушения скорых приключений, которых мне так не хватало все эти годы.

«Отец говорил, что путь — это не только дорога под ногами, но и дорога внутри сердца. И что самое трудное — не идти вперёд, а не оглядываться с сожалением. Прости, папа, если я слишком часто смотрела назад. С этого момента я постараюсь смотреть только вперёд, ведь Торвейл ждёт, и только я, дочь Астры, могу спасти город и залатать прорехи в пространстве и времени, которые оставило проклятье Эфилиаса. И если вечность научила меня чему-то, так это тому, что даже самые тёмные ночи когда-нибудь заканчиваются рассветом. Даже если ты не веришь, что доживёшь до него».

С этими мыслями глаза сомкнулись. А потом пришёл сон, и снился мне Эльмир — но не тот, что был проклят и стёрт с лица земли, а прежний, светлый: с мостовыми, вымытыми дождём, с фонарями, чьи огни дрожали в лужах, как живые звёзды, с улочками, где пахло свежим хлебом и корицей.

По этим улицам я шла не как спасительница, не как дочь Богини, а просто как девушка, у которой впереди целый день и нет нужды спешить. Рядом шагал отец — молодой, без той грусти в глазах, которую я так хорошо помнила. Он смеялся, указывая на толстого голубя, неуклюже взлетевшего с карниза, и говорил:

— Смотри, Рея, даже у таких неуклюжих есть крылья, что уж говорить о нас с тобой? Главное — не бояться ими пользоваться.

Я улыбалась во сне, и эта улыбка была настоящей, без тени горечи. В ней не было ни вины за то, сколько неверных решений я приняла, ни страха перед тем, что ждало впереди. Только покой — редкий, драгоценный, как капля чистой воды в пустыне.

Глава 3. Город-мираж

Как же болит голова! Не прошло и трёх дней с тех пор, как началось моё путешествие, а всё уже летит кувырком. Началось это в первое же утро, когда неугомонная императрица, наплевав на мои попытки сбежать не попрощавшись, явилась ко мне в комнату до рассвета и самым наглым образом растолкала меня, вручив небольшую книгу под названием «Исследование Эльмирии: интересные факты о стране, которой нет».

— И что же это, Ваше Величество? Прощальный подарок?

— Что-то вроде того, — хмыкнула Кларисса. — Не вредничай. Я потратила целую ночь, чтобы найти эту книгу: пришлось связаться с семьёй автора, потому что из библиотеки она пропала самым таинственным образом.

— Зачем она мне? — проворчала я, потирая виски и пытаясь стряхнуть остатки сна. — Всю необходимую информацию мы уже нашли. Мне пора собираться в путь: некогда, да и нет желания снова зарываться в книги…

— Очень советую всё-таки потратить пару часов и прочесть её, — невозмутимо отозвалась Кларисса, бесцеремонно усаживаясь на край кровати. — Я не говорю тебе бросить планы и снова сесть за книги, но ты только начинаешь путь, а в этом исследовании находится крайне полезная информация о местах появления Торвейла.

Я тяжело вздохнула и покосилась на томик с выцветшим тиснением. На обложке едва угадывалось схематичное изображение городских стен и зданий, тонущих в тумане.

— Вы изрядно постарались, чтобы найти для меня эту книгу. Пожалуй, изучу её в пути, чтобы ваши труды не пропали даром.

Кларисса лишь хитро прищурилась.

— Ты должна быть готова ко всему. Даже к самому невероятному.

— Ваше Величество?

— Кто-то уже идёт за тобой, Астрея, — тихо, почти шёпотом, произнесла она, и от этих слов по спине пробежал холодок. — Он уже похитил копию книги из библиотеки, значит это тот, чьей целью также является Торвейл. Вот только добрые ли у него намерения, мне неведомо.

Она встала, разгладила складки на платье и направилась к двери, но на пороге обернулась:

— Удачи тебе, Астрея. Что бы ни ждало тебя в конце, надеюсь, это будет тебе во благо.

Дверь тихо щёлкнула, и я осталась наедине с тишиной и книгой, которую так старалась найти для меня подруга. Не в силах больше бездействовать, я вскочила, быстро оделась, накинула плащ и, подхватив мешок с вещами, вышла в коридор.

Утро во дворце было обманчиво спокойным: слуги скользили по переходам, не поднимая глаз, стражники застывали в

почтительных поклонах, стоило мне пройти мимо. Но в этой тишине чувствовалось напряжение — будто воздух звенел в преддверии нового дня.

Спустившись в нижний зал, я направилась к боковому выходу, ведущему к конюшням. Там меня уже ждал мой конь — чёрный, как ночь, с умными тёмными глазами, всегда понимающий больше, чем положено животному. Его звали Ворон, и он был единственным существом, которое никогда не задавало лишних вопросов.

— Ну что, старый друг, — прошептала я, проводя ладонью по его тёплой шее, — похоже, нам снова предстоит дорога.

Выехав за ворота, я на мгновение остановилась, оглядываясь на дворец. Хотелось в последний раз своими глазами увидеть то, что было создано при моём участии: башни Аурелии, пронзающие предрассветное небо; сады, разбитые стараниями сотен садовников; флаги Сильвэйна на стенах — тёмно-синие, с золотым солнцем и серебряной луной.

Я никогда не была сентиментальна. Нет. Просто привыкла запоминать…

Ворон переступил копытами по булыжнику, и я направила его вперёд. Дворец остался за спиной, и что-то внутри меня щёлкнуло — тихо, без боли, как закрывается хорошо подогнанная дверь. Очередная дверь за очередным этапом жизни. Я давно перестала их считать.

Первый день прошёл без происшествий. Тракт на восток к бывшей столице королевства Сильвастрия был ровным, утоптанным, хорошо охраняемым: имперские дороги содержались в порядке, и патрули встречались часто. Для начала, хоть и не хотелось снова чахнуть за книгами, я решила посетить башню магов, чтобы поискать дополнительную информацию в её богатых архивах. Да и маги, обитающие там, наверняка знали много.

Я ехала не торопясь, привыкая к ритму дороги, к поскрипыванию седла, к мерному покачиванию, которое убаюкивало лучше любой колыбельной. Вечером остановилась на постоялом дворе «Приблудный эльф» — место невзрачное, но чистое, где подавали горячую похлёбку и не задавали вопросов.

Именно тогда я и раскрыла книгу Периана Сайфера.

«Эльмир, — писал Сайфер, — не исчез. Он не провалился сквозь землю, не сгорел, не был поглощён морем. Он остался именно там, где стоял всегда. Однако теперь он существует на другом уровне реальности, поэтому увидеть его, побывать в нём и ощутить город физически невозможно».

Я перелистнула страницу.

«Я сам видел Торвейл. Длинная жизнь эльфа позволила мне увидеть его трижды. Первый раз — с холма, в отдалении, недалеко от столицы эльфов: город стоял в долине, залитый солнцем, такой живой, что хотелось немедленно посетить его. Но пока я добирался до Эльмира, на месте города

остался луг с одуванчиками. Это и заставило меня посвятить свою жизнь изучению феномена проклятья Торвейла.

Второй раз я увидел его на закате, на месте огромного озера Лунь, находившегося в стране Вален. Времени оставалось мало, и я вновь не успел коснуться легенды.

Третий раз он явился перед моим взором в лесных долинах Сильвастрии. И это было похоже на сон — но страшнее любого кошмара Эфилиаса, потому что город был жив и мёртв одновременно. Люди, замершие на улицах в моменте, смеялись, торговали рыбой на рынке, дети бегали между лотками… Они казались настолько живыми, что хотелось кричать от отчаяния».

По спине пробежал холодок, и я невольно потянулась к плащу, хотя в комнате было тепло. Ощущение чужого взгляда — мимоходом, как если бы кто-то заглянул через плечо, — мелькнуло и исчезло.

— Спокойно, Рея, — сказала я сама себе. — Ты же не из пугливых. Тебя сам Повелитель кошмаров не напугал, а тут какой-то рассказ путешественника-исследователя.

Но рука, державшая книгу, чуть дрогнула.

Дальше автор переходил к конкретике — и вот здесь книга становилась по-настоящему ценной. Сайфер, в отличие от библиотечных теоретиков, не рассуждал о том, что «должно быть» или «вероятно». Он описывал то, что видел сам, и то, что рассказал ему один старый эльф из Лунного Дола — последний, кто утверждал, что помнит Торвейл ещё до исчез-

новения.

«Проклятие, наложенное на город, было не простым заклинанием, — писал Сайфер. — Это была многослойная конструкция, сплетённая из страха, боли и извращённой любви. Первый слой — разлучённые Злата и Максим: они застыли на разных берегах ручья, и, пока они не воссоединятся, город не сможет проснуться. Второй слой — сон: город и все его обитатели замерли, но не умерли. Третий слой — барьер Алёны: защитное поле, которое не выпускает никого наружу и не впускает никого внутрь. Но вот что интересно: барьер был создан, чтобы защитить город от Эфилиаса, а в итоге он же не позволяет никому прийти на помощь. Однако в те моменты, когда город является на нашем слое реальности, зайти в него возможно. Четвёртый слой — самое загадочное: прорехи в пространстве. Город не просто спит — он дрейфует. Он перемещается по миру, появляясь в разных местах, как блуждающий огонёк. И каждый раз, когда он появляется и исчезает, ткань бытия рвётся чуть сильнее».

Я отложила книгу и задумалась. Четыре слоя. И каждый из них требует своего подхода. Если верить Сайферу, то просто «разбудить» город не получится: нужно придумать как снять проклятье и его последствия на всех все четырёх слоях, иначе город просто уснёт снова.

Сама не заметив, я провела за книгой всю ночь — за окном уже занимался рассвет. Небо из тёмно-лилового становилось бледно-золотым, и первые лучи коснулись крыш бли-

жайших домов. Где-то прокричал петух — нагло, звонко, желая разбудить всю округу.

Я закрыла книгу и убрала её в вещевой мешок. Сидеть и размышлять дальше — занятие приятное, но сейчас это непозволительная роскошь.

Исходя из прочитанного, мне следовало скорректировать свой маршрут и отправиться к морю: заклятие дало сбой, и Эльмир появлялся каждые двадцать пять лет, перемещаясь между вершинами звезды силы. Последнее появление Торвейла было зафиксировано в центре моря Ветров, а не вблизи Кедрового перевала, как считали историки. Именно туда я и планировала отправиться изначально.

Глава 4. Море Ветров

Касл — так назывался город-порт Сильвэйна — раскинулся в широкой бухте, обрамлённой скалистыми мысами. Белые домишки сбегали по склонам к берегу, а вода в бухте отливала нестерпимой синевой — такой яркой, что резало глаза.

Гавань кипела жизнью: корабли стояли в три ряда, мачты торчали частым лесом; грузчики таскали тюки и бочки, надрываясь от перекрикиваний; чайки кружили над мачтами, голося и требуя подношений — а то и вовсе не гнушаясь просто утащить что-нибудь у зазевавшихся хозяев.

Найти корабль оказалось несложно — гораздо труднее было уговорить капитана плыть туда, куда мне нужно.

Рорик Таллвуд, капитан «Луноликой девы», был из породы тех морских волков, которых не пугают ни штормы, ни пираты, ни морские чудовища, но которых охватывает непреодолимый трепет при одном-единственном слове: «магия». Высокий, плечистый, с обветренным лицом, изрезанным морщинами, он стоял передо мной в трактире «Медный якорь», скрестив руки на груди, и смотрел с тем самым выражением, которое сулило, что разговор закончится плохо.

— В том месте, которое вы указали на карте, постоянно бушует буря, — произнёс он, ткнув смуглым пальцем в разложенный на столе пергамент. — Мои люди отказываются

туда идти. И я их не виню.

— И это всё, что вас останавливает? — я подняла бровь.

— Нет, — Рорик покачал головой. — Я знал, что вы всё равно прикажете плыть. Но цена будет баснословной.

— Рорик, — я откинулась на спинку стула. — Вас нанимает опытный маг. Думаете, я не смогу остановить бурю?

Рорик окинул меня долгим, тяжёлым взглядом. Таким смотрят не на «великого волшебника», а на человека, который вот-вот сделает последнюю ошибку в своей жизни.

— Эту — не смогли бы, — уверенно произнёс он.

Тишина в трактире стала ощутимой. За соседними столами притихли даже те, кто поначалу не прислушивался к нашей беседе. Я выдержала паузу, подавляя собственное раздражение. Но оно всё-таки поползло наружу.

— Мне нужно попасть к указанному месту. Я заплачу столько, сколько скажете. Или вы боитесь?

— Нет… — Рорик потупился, и морщины на его лице стали глубже. — Но корабль и команда… Вам так необходим быстроходный галеон?

— Да, мне нужен ваш укреплённый корабль, который выстоит в случае непредвиденной ситуации. И опытная команда.

— Хм…

— Вы боитесь, что не сможете удержать их в узде? В случае удачи вы получите десятилетний доход всего за один выход в море. Если со мной что-то случится в ходе нашего

рейса, гарантом нашей сделки выступит императорский дом Сильвэйна. Я напишу расписку, с которой вас пропустят на аудиенцию к их величествам. И, конечно, половину обещанной суммы я выплачу сразу. Она останется у вас независимо от того, сможем ли мы добраться до места.

Капитан сжал челюсти так, что проступили желваки. Потом выдохнул — длинно, медленно, принимая решение, от которого уже нельзя отступить.

— Проклятье, женщина! Вы уже дважды обвинили меня в трусости!

— А кому сейчас легко, капитан? Так вы готовы заключить со мной договор, выгодный нам обоим?

— А, гори оно всё! По рукам, леди.

— Я не леди. Я — Мара.

Трактирщик за стойкой выронил кружку.

— По рукам, Мара, — ровно произнёс Рорик, делая вид, что его нисколько не волнует знакомство с печально известной наёмницей.

На рассвете «Луноликая дева» — крепкий трёхмачтовый галеон с прочным корпусом, усиленным такелажем и массивными мачтами — уже была готова к отплытию. Матросы работали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими командами, и на меня старались не смотреть — то ли из уважения, то ли из страха.

Я стояла на корме и смотрела, как Касл стремительно

уменьшается, пока город не скрылся за горизонтом, оставив передо мной лишь море — бескрайнее, серо-стальное, с белыми барашками волн.

Моя каюта на «Луноликой деве» оказалась тесной: низкий дощатый потолок, окно-иллюминатор, пропускающее тусклый свет, узкая кровать, пахнущая травами, помогающими от укачивания. Хоть я и не страдала от морской болезни, такая забота капитана была приятной.

День прошёл в каюте — в долгом, тяжёлом сне, сморившем меня после бессонной ночи. Проснувшись, когда уже стемнело, я поняла, что больше не усну, и вышла на палубу.

Тьма окутала океан и ощущалась совсем другой — не такой, как на суше: не было деревьев, домов, заборов, очерчивающих мрак границами человеческого мира. Здесь тьма была абсолютной, первозданной, и, если не смотреть на звёзды и не оборачиваться на фонарь кормовой надстройки, можно было подумать, что ты — единственное живое существо во Вселенной.

Ветер трепал мои волосы, и они струились за спиной, отданные во власть стихии. Волны тяжело бились о борт, и «Луноликая дева» слегка покачивалась — мерно, укачивающе, как колыбель, в которой качают не ребёнка, а взрослую, измученную женщину, притворяющуюся, что ей всё по силам.

И зачем я на это согласилась?

Вопрос прозвучал внутри, тусклый и ноющий, как старая

рана, и я не нашла на него ответа. Точнее, нашла, но не тот, который хотела бы признать. Неужели я внутренне сопротивлялась из-за того, что смирилась со своей жизнью и уже не хотела что-то менять?

И всё же, начав, я почувствовала себя живой. Радовалась новому заданию, как радуется загоняемому зверю охотничья собака — потому что без погони жизнь теряет вкус.

Однако в то, что я смогу избавиться от своего проклятья, мне не верилось. Я — дочь Астры, и я бессмертна. Но если Боги легко принимают свою суть, то меня, наполовину человека, она терзала… Сколько раз за все мои годы я поражалась, видя, как затягиваются мои раны — глубокие, рваные, такие, от которых любой другой истёк бы кровью за минуты. Кости срастались за дни, порезы — за часы. Моё тело не знало, что такое шрамы, и, возможно, от этого рубцы на душе становились только глубже.

Вдруг вспомнилось, как однажды я слышала сказку о маленьком мальчике, который сделал всё, чтобы получить бессмертие. Он трудился, не жалея себя, прошёл через муки и испытания, пожертвовал всем, что было дорого, и в конце концов добился своего. Но в погоне за желаемым он потерял свою душу — ту самую, ради которой стоило жить вечно. И получилось, что он обрёк себя на существование: вечное, неуязвимое и совершенно пустое, как дом, в котором вынесли всю мебель и заколотили окна. Вот так и со мной, хотя, в отличие от глупого ребёнка, я не мечтала о вечной жизни,

но чувствовала себя именно так: время отбирало у меня всё, к чему я привязывалась.

Неожиданно мне в голову пришла бредовая идея — искупаться.

Не «я подумала», не «я решила» — именно пришла идея, из тех, что рождаются не в разуме, а где-то глубже, на уровне инстинктов, которым невозможно найти объяснение.

Я огляделась по сторонам. Палуба была почти пуста: оставшиеся ночью на палубе матросы не обращали на меня внимания, вахтенный стоял неподалёку, наблюдая за порядком на судне. Недолго думая, я отправила его за капитаном.

Рорик явился бодрый и опрятный, будто и не спал вовсе.

— Надо сделать небольшую остановку, — объяснила я. — Я хочу искупаться.

Рорик несколько мгновений смотрел на меня, ожидая, видимо, что я рассмеюсь и признаюсь в шутке.

— Искупаться? — переспросил он наконец. — Посреди океана? Ночью?

— Именно.

— Мара, при всём уважении, вы в своём уме?

— Этот вопрос мне задают с завидной регулярностью, — вздохнула я. — Капитан, мне не нужна ваша оценка моего душевного здоровья. Просто прикажите остановить корабль и оставайтесь в дрейфе неподалёку. Интуиция подсказывает мне: в море здесь что-то есть, а значит, надо проверить. Я оставлю вам маяк, который активирую, когда поднимусь на

поверхность. Он подскажет, откуда нужно меня забрать. Если меня долго не будет — действуем по договору.

— Вы хоть представляете, какая тут глубина?! — возмутился он. — А течение? Здесь сильное течение. Отнесёт от корабля — и поминай как звали.

— Я маг, Рорик. И, поверьте, утонуть мне не грозит.

— Вот же сумасшедшая баба, — пробормотал капитан, и я расхохоталась от абсурдности ситуации.

Несмотря на внешнее сопротивление, он отдал необходимые распоряжения. Матросы, узнав причину остановки, принялись переглядываться, а один даже осенил себя каким-то незнакомым мне священным знаком.

Вскоре «Луноликая дева» легла в дрейф. Я сняла сапоги и, не пожелав спускаться в воду по трапу, с разбегу вскочила на кормовой фальшборт. На мгновение застыла, балансируя на краю и чувствуя под босыми ступнями скользкое, мокрое дерево. Море внизу было чёрным, бездонным и манило меня к себе.

Я прыгнула.

Ледяная вода обожгла кожу — не холодом, а ощущением раскалённой лавы, прошедшей по каждому сантиметру тела. Я вынырнула, хватая ртом воздух, и на секунду пожалела — но не о прыжке, а о том, что не сделала этого раньше. Вода подарила ощущение реальности и вытащила из самокопания: она обнимала, сжимала, тискала, стремясь вытеснить всё лишнее.

Произнеся заклинание, позволяющее дышать и видеть под водой, я вновь нырнула. Тьма смыкалась над головой, и в этой тьме было покойно — так, как не бывает нигде на суше, потому что здесь не было ни прошлого, ни будущего, ни боли, ни памяти. Только давление воды, слабеющий свет и баюкающая тишина, в которой стук собственного сердца звучал в ушах далёким барабаном.

Вдруг я что-то увидела.

Впереди и чуть ниже — светлое пятно, слабо светящееся, как догорающий уголёк. Оно покачивалось в воде, подобно медузе, но было угловатым, неровным. Это был клочок бумаги — пожелтевший, изъеденный солью, с расплывающимися строками, едва различимыми в темноте. Он не всплывал на поверхность благодаря наложенной на него защитной магии: лёгкое свечение на уголке подтверждало мою теорию.

Не осознавая, что делаю, машинально я схватила его, сжав в кулаке, и резко поплыла вверх.

И тут я допустила фатальную ошибку.

Ни в коем случае нельзя так резко всплывать: разница давлений мгновенно ударила в голову, и в глазах вспыхнуло многоцветье. Мир завертелся, накренился, море и небо менялись местами, лишая меня ориентира.

Я почувствовала, как теряю сознание и опускаюсь всё глубже…

Глава 5. Тайна, которую хранило море

Приходит время, и каждый человек задумывается о смерти. Конечно, о ней думают многие существа, но, как правило, это люди, ибо их век намного короче. Кто-то боится её, а кому-то смерть дарит облегчение. Мне же никогда не приходилось задумываться о приближении смертного часа — бессмертие избавляло меня от этой заботы. Но сейчас…

Я испугалась.

Не смерти — нет. Я давно утратила страх перед ней, как утратила страх перед болью, перед ранами, перед всем, что можно залечить при помощи времени и эликсиров. Я испугалась другого: беспомощности. Того мерзкого, липкого ощущения, когда тело перестаёт слушаться, когда руки и ноги становятся чужими, а сознание ускользает и ты ничего не можешь с этим поделать.

Тёплая, мягкая, обволакивающая тишина… Время исчезло, и не было ни верха, ни низа, ни темноты, ни света — только покой, настолько глубокий, что хотелось остаться в нём навсегда.

Но бессмертие не отпускало. Оно тянуло назад — настойчиво, грубо, как рука, хватающая за шиворот над пропастью. Сознание возвращалось рывками: сначала — ощущение те-

ла, тяжёлого, непослушного; потом — давление воды со всех сторон; потом — далёкий, глухой стук собственного сердца, бьющегося ровно и упрямо.

Туман в голове начал рассеиваться. Мир перестал вращаться, цвета обрели свои места. Я медленно приходила в себя, как просыпаются после глубокого обморока, держась за единственную мысль: что за клочок бумаги я схватила перед тем, как потерять сознание?

Что ж, раз я снова в своём уме, вполне могу рассмотреть его.

Резкое движение тут же спугнуло шуструю стайку мелких рыб, а чуть дальше я заметила затаившегося неподалёку удильщика. Двухметровый морской чёрт предпочёл отплыть от меня подальше, но я продолжила приглядывать за чудищем одним глазом.

«Вот уж страшила», — мелькнула в сознании мысль, и я наконец взглянула на обрывок.

Она безумие и яд искоренит,

Навеки уничтожив злую волю.

Снимет проклятие, людей освободит,

И обретёт душа желанную ей долю.

Как странно… Такое знакомое чувство. Нет, ерунда. Но всё же я сунула бумагу в кармашек и попыталась сориентироваться. Людей и магов надо мной не ощущалось: только толща воды, воздух и звёздное небо надо мной. Видимо судно отдалилось от меня на приличное расстояние.

Пожалуй, всё же стоило всплыть на поверхность и попытаться сориентироваться по звёздам. Едва я приняла это решение, как взгляд зацепился за странные тёмные очертания. Приблизившись к таинственной громадине, я едва не вскрикнула от удивления — передо мной возник корабль.

В детстве я часто мечтала о том, что найду затонувший корабль, но и не подозревала, что мечта, когда-нибудь сбудется. В душе проснулся азарт. Естественно, я не могла упустить такой шанс!

По виду судна было понятно, что корабль затонул довольно давно. С трудом я протиснулась в открытый иллюминатор и попала внутрь корабля, оказавшись в довольно просторной каюте. Более того, эта каюта была королевской.

Добротный деревянный стол сохранился в прекрасном состоянии, несмотря на столетия пребывания в морской воде: дерево потемнело, но не рассыпалось, не пошло гнилью, а линии резьбы оставались чёткими. Лёгкая, едва уловимая аура магии вилась вокруг столешницы — та самая печать сохранения, оберегавшая корабль и его вещи. Заклятие ещё держалось, но чувствовалось, что его сила истончается: вещи уже не лежали так ровно, как прежде, а края некоторых предметов тронула хрупкая патина, предшествующая началу разрушения.

«Неужели листок с пророчеством был отсюда?» — промелькнуло у меня в голове.

— Быть того не может! — вырвалось у меня, когда я при-

близилась к документам, всё ещё покоившимся на столешнице.

Пальцы дрогнули над пожелтевшими листами. «Её Величеству, королеве Сильвастрии, от её непокорной и непочтительной дочери…».

Теперь я знала, почему интуиция толкнула меня на внезапное «купание». Ведь это тот самый корабль — «Стремительный», который вместе с родителями первого воплощения императрицы Клариссы — королевой Сильвастрии, страны магов, Исабель Селестиан и королём Лоуэном Селестианом, — пропал в море много сотен лет назад...

«О, Астра… — подумала я, чувствуя, как в глазах пощипывает от набегающих слёз, смешивающихся с морской водой. — Не может быть! Их Величества… Добрейшие люди, обожавшие Клариссу и с огромным трудом пережившие утрату любимой дочери…»

Сознание плавало где-то на грани, а я бормотала что-то бессвязное, не слыша собственных слов. Грусть и непонимание сплетались в тугой узел, терзая душу воспоминаниями о потерях, о боли, пережитой столетия назад.

С трудом собравшись с силами, я решительно выдвинула ящик письменного стола. Внутри лежали письма — множество писем Клариссы к родителям. Я взялась за первое, осторожно, чтобы не повредить бумагу.

«Дорогая матушка, — начиналось оно, — я очень скучаю по тебе и отцу, но смею заверить, что со мной всё в порядке.

Впервые в жизни я переживаю такие приключения и такие чувства — и сладко, и горько одновременно. Но я верю, что всё завершится хорошо. Главное — верить. С любовью, ваша дочь».

Я взяла следующее письмо.

«Матушка и отец! У меня всё хорошо, хотя страна, где я нахожусь, переживает тяжёлые времена. Как вы знаете, наследник Валена утерян, и Эфилиас стремится занять его место, чтобы потом захватить весь континент, объединив нас единой верой Бога кошмаров. Но силы сопротивления велики, и у него мало шансов на победу. С любовью и уважением, Кларисса».

Письма были такими короткими, что складывалось впечатление, будто она опасается доверить бумаге слишком многое. Или просто не было времени на длинные послания.

Третье письмо дышало волнением и трепетом.

«Матушка! Спешу заверить тебя, что твои опасения беспочвенны. Да, на меня напали, но меня спас принц Элиен — тот самый пропавший наследный принц Валена. Матушка, он настоящий герой!

Знаю, отец скажет, что Элиен не достоин трона, раз скрывался в смутные для собственной страны времена, но это не так. Он возглавляет сопротивление, и многие знают, кто он на самом деле. Сейчас я нахожусь в лагере повстанцев, и все здесь добры ко мне. Элиен вот-вот отвоюет свой замок, и мы сможем занять его.

Мама, мне кажется, я люблю Элиена. Да, мы были знакомы уже давно, но лишь встретив его после долгой разлуки, я поняла, как сильно скучала по нему! Он добрый, смелый и так внимательно заботится обо мне!

А заботиться ему приходится весьма часто — впервые я оказалась так близко к линии фронта. Мне страшно, но я не хочу быть обузой и готова поднять меч, если понадобится: не зря же отец нанимал для меня учителя фехтования.

Пока я держу в тайне то, что владею магией, но с клинком тренируюсь ежедневно — надеюсь, отец мной гордится. Всегда ваша, Кларисса».

Следующие три письма разлезлись у меня в руках, едва я коснулась их. И неудивительно — столько лет под водой! Поразительно, что они сохранились до сих пор даже с магией.

И тут мой взгляд зацепился за ещё один лист — письмо от Элиена.

«Уважаемые король Лоуэн и королева Исабель! Сознавая всю дерзость своего поступка, сообщаю, что мы с вашей дочерью, принцессой Клариссой, сочетались браком. Вы приглашали нас на бал в честь дня рождения вашей дочери? Я осмелюсь принять приглашение за себя и Клариссу и, если это возможно, хотел бы объявить о наших отношениях и новом статусе.

Знаю, что все планы относительно нашей помолвки и объединения двух королевств канули в лету с утратой трона и

началом войны, но я люблю вашу дочь, а она любит меня. Мы завоюем победу и создадим новую империю, которая соединит Сильвастрию и Вален. Уже сейчас многие относятся к нам как к законным правителям объединённых земель, хотя, конечно, это несколько преждевременно.

Прошу, не вините Клариссу: она и так достаточно настрадалась. В этой войне она стала и героиней, сокрушающей врага, и матерью милосердия, исцеляющей раненых.

Позволю себе считать себя вашим сыном. Принц Элиен, будущий король Валена».

Я едва улыбнулась сквозь нахлынувшую грусть. Вот он, тот самый Элиен, которого когда-то называли «Королём без королевства». В этих строках мне виделось столько волнения, столько желания быть достойным — и столько любви.

А потом я нашла ещё одно письмо. Без подписи. Но почерк выдавал автора.

«Прошло три года с тех пор, как погибла моя дочь. Кларисса. Как ужасно, когда родители переживают своих детей… Моя девочка, погибшая ради мира. Не знаю, смогу ли я жить дальше с этим вечным чувством вины. А я виновата. Очень виновата. Я не сказала ей, что она — Избранная. Не сказала, что Астрея — дочь Астры, что она могла ей помочь. Хотя знала это. Знала!

И потому я совершу ещё один грех: утаю от всех, что этому судну суждено затонуть. Пока мы не вышли в море и не прошли точку невозврата, будущее было скрыто от меня, но

теперь оно предстало во всей полноте. Его не изменить. Я сообщила об этом Лоуэну, и он согласен с тем, что не стоит сеять панику среди экипажа. Наша гибель будет внезапной и очень скорой, ведь наше судно уже обнаружил демон Моря Ветров, на которого не действует ни магия, ни оружие.

Знаю, что мои письма когда-нибудь пригодятся той, кто найдёт судно. Пригодится ей и Перстень Незамутнённого Сознания, спрятанный на корабле…»

Это писала королева Исабель.

Холодок пробежал по спине. Откуда она знала, что я — дочь Астры? Она же не была астромагом… Неужели это был скрытый дар? Этот вопрос свербел в сознании, как заноза. Но сейчас было важнее другое.

«Надо найти перстень. Этот весьма полезный артефакт, утерянный со „Стремительным“, действительно может мне пригодиться…» — подумала я, уже оглядываясь по сторонам, пытаясь угадать, где могла быть спрятана реликвия.

Лёгкое движение воды рядом неожиданно выдало чьё-то присутствие. Укол в шею и головокружение накатили тёплой волной, а перед глазами снова потемнело.

Глава 6. Русалки

Тьма обволакивала со всех сторон — ни единого проблеска света. Мир стёрся, растворился в глухой, плотной темноте, став похожим на бездну, где не существовало ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего.

Я лежала на чём-то удивительно мягком, почти невесомом; его волокна мягко оплетали тело, убаюкивая, обещая покой. Поначалу это виделось сном, таким уютным и обманчиво безопасным.

Но стоило немного прийти в себя, как сознание прояснилось, и реальность обрушилась ледяной волной: вокруг по-прежнему была вода. Тяжёлая, густая, она давила со всех сторон, проникая в каждую мысль, в каждое движение. Я попыталась подняться, но тело не слушалось, было неподатливым и чужим.

Что за заклятие? Это точно не простая игра с давлением воды — ощущение было совсем иным. Мысли метались, цепляясь за обрывки знаний: какие чары способны так обездвижить? И главное — кто это сделал?

Неожиданно шторы, сотканные из переплетённых водорослей и украшенные раковинами, колыхнулись и разошлись, впуская мягкий, мерцающий свет морских огоньков. Их призрачное сияние выхватило из темноты очертания странной комнаты: стены из гладкого коралла переливались

тусклыми перламутровыми узорами.

В комнату вплыли две русалочки — очень красивые, но с чрезвычайно бледной кожей. Их хвосты, покрытые мелкой радужной чешуёй, оставляли за собой лёгкие вихри пузырьков.

— Вот она! — звонко воскликнула рыженькая.

— Ой! — откликнулась блондинка. — И правда, человек! Живой человек!

— Я — маг! — уверенно сказала я, стараясь вложить в голос всю ту силу, что ещё теплилась внутри, хотя слова прозвучали глухо, поглощённые толщей воды. — И требую отпустить меня!

— Ты можешь здесь говорить? — удивилась блондинка.

— Да, моё заклинание «амфибия» позволяет это.

— Госпожа маг, — отозвалась рыженькая, нисколько не смутившись, её голос звенел, как перезвон колокольчиков. — Ты совершила страшное преступление — потревожила души ушедших.

— Что? И как же я это сделала?

— Тебя поймали на затонувшем корабле, — ответила блондинка, её взгляд скользнул по мне с любопытством и лёгкой тревогой. — Он погиб вместе с людьми много лет назад. Такие места — места погребения — святы для нас. Их посещение строго запрещено: мёртвых тревожить нельзя!

— Скоро здесь будет наша королева, владычица Ария, — «порадовала» рыженькая и посмотрела на меня в ожидании

ответа, но я молчала.

Русалочки, удовлетворив своё любопытство, уплыли; их хвосты мелькнули в полумраке и растворились в тени. Наверняка посещение «преступниц» было для них таким же «незаконным», как и посещение их священных мест.

Эти девчонки выглядели совсем молоденькими, едва ли за 80 лет: 15–16 по людским меркам. Их движения, порывистые и нетерпеливые, и взгляды, полными того самого восторга и возбуждения, выдавали тех, кто слишком долго существовал благостно и впервые сталкивается с чем-то опасным и волнительным.

Не знаю, сколько времени я провела в тягостном ожидании, — минуты сливались в часы, а часы — в безвременье, и каждый миг отзывался в груди глухим эхом тревоги. Королева появилась так же, как до неё вплыли юные русалочки, — совершенно без сопровождения, ничего не боясь.

Она была прекрасна — но не той нежной, хрупкой красотой, что пленяет сердца, а холодной, величественной, словно высеченной изо льда. Светлые волосы струились вокруг головы, подобно языкам лунного пламени, а огромные светло-серые глаза своей глубиной выдавали долгожителя, познавшего мудрость веков.

В её чертах угадывалось что-то знакомое, родственное образу Клариссы, и всё же между ними лежала бездонная пропасть: если от Риссы веяло теплом и светом, то от королевы исходил пронизывающий холод, от которого стыла кровь.

Если судить честно, то своей аурой она куда больше походила на меня…

Правильные, почти неземные черты лица оставались бесстрастными, когда она остановила на мне свой взгляд; полные розовые губы чуть приоткрылись, обнажив ряд мелких, острых зубов, — в этом было что-то хищное, первозданное, от чего по коже пробегал мороз.

— Приветствую тебя, дитя Астры, — прозвучал её голос, низкий и переливчатый. — Меня зовут Ария.

— В честь той самой прекрасной русалочки, что обрела человеческую жизнь и любовь? — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, едва уловимой.

— Да, — спокойно кивнула королева, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на тень усмешки. — Это наша традиция, которая может показаться тебе странной, дитя Богини. Уже пять поколений первую дочь, призванную наследовать престол, называют Арией.

Пять поколений… Примерно полторы тысячи человеческих лет. Эта мысль тяжёлым камнем легла на сердце: сколько судеб, сколько тайн хранил этот род, сколько решений было принято в тишине подводных чертогов.

— Дитя Астры, что привело тебя на заброшенный корабль? — спросила Ария, и в её словах не было ни гнева, ни любопытства — лишь спокойная уверенность в том, что она услышит правду.

— Откуда ты знаешь, что я — дочь Богини?

— Нам, русалкам, дано видеть суть… А твоя душа сияет звёздным светом.

— Тогда зови меня Астреей или Марой, морская владычица. Я прибыла сюда, чтобы найти ответы на свои вопросы, — ответила я. — Но корабль нашла случайно. Он… принадлежал небезразличным мне людям. И затонул вместе с ними.

— Ответы повсюду, Астрея, — произнесла она с лёгкой горечью. — Их не нужно искать в море Ветров и на подводных кладбищах.

— Я ищу следы города, что исчез с лица нашего мира, но призраком прошлого продолжает появляться в реальности. Владычица, ты видела его?

— Торвейл?

Сердце подпрыгнуло и замерло.

— Да. Так ты видела его?

— Почему я должна отвечать тебе?

— Я должна снять с него проклятье.

— Пожалуй, это веская причина, — кивнула Ария. — Торвейл разрушает наш мир, проделывая всё больше прорех в ткани реальности. Город появлялся, и я видела его. На месте корабля.

— На месте «Стремительного»? Того самого, где была я?

— Да.

— На какой срок он являлся? И как выглядел?

— На двенадцать часов. Я запретила своим подданным приближаться к проклятому городу и лично следила, чтобы

любопытные дети не нарушили запрет. Астрея, уважая твою миссию, я развяжу тебя, но ты должна поклясться именем матери, что не станешь проявлять агрессии к моему народу и более не будешь осквернять наши святые места.

Я на мгновение замерла, а затем горькая усмешка тронула мои губы.

— Я всего лишь связана, владычица Ария? — прошептала я, и в душе вспыхнула досада: как могла я, маг с многолетним опытом и огромным багажом знаний, забыть, что русалки не владеют магией? Права была Кларисса: дворцовая тишина и покой вытравили из меня элементарные истины. Ещё немного — и я перестала бы отличать мага от человека.

Разозлившись на собственную глупость, я резким движением разорвала путы и вскочила с ложа, чувствуя, как возвращается привычная собранность. К слову сказать, это были очень необычные… верёвки? Они представляли собой целое полотно и были настолько невесомы, что я не ощущала их на себе. Возможно, именно поэтому в темноте не смогла понять, как меня пленили.

— Что это такое? Не верёвки, не цепи, не ткань? — удивлённо спросила я.

— Древний артефакт, доставшийся нам с одного из кораблей. В то время ещё не было закона о святотатстве, и предметы с судов часто расхищались. Эти путы не требуют магии и связывают мягко, не причиняя вреда, поэтому мы до сих пор пользуемся ими, хотя многие вещи вернули на их закон-

ные места.

— К чему было это связывание, владычица? — спросила я уже спокойнее.

Русалочка тяжело вздохнула, и в этом вздохе прозвучала усталость.

— Около месяца назад, когда Луна пошла на убыль, сюда явился опытный маг. Он ловил русалок, пытал их… Ему тоже была нужна информация о Торвейле… И об артефакте с корабля. А если русалки отказывались отвечать на его вопросы — погибали.

Предчувствие надвигающейся катастрофы шевельнулась в груди, но я сдержала его, загнав вглубь.

— Кажется, не я одна ищу Торвейл, — тихо произнесла я. — Какой безумец пошёл на такое?

— Кто? — в голосе Арии прозвучало искреннее изумление.

— Неразумное существо, — повторила я, подбирая слова, чтобы не выдать всей горечи.

— Но почему? Ведь ты тоже его ищешь?

— Я могу спасти город. Но простым смертным опасно касаться проклятья.

Ария чуть склонила голову, прислушиваясь к чему-то.

— Может, и у того неразумного существа есть свои тайны и своя причина?

— Такая возможность существует, владычица, — признала я. — Но она столь мала, что едва ли стоит её рассматри-

вать. Скорее всего, это авантюрист с непомерной гордыней и полным отсутствием страха. Где он сейчас?

— Сбежал раньше, чем мы успели что-либо предпринять. Пока слухи дошли до меня, он бесследно исчез.

— В этом мире ничто не исчезает бесследно, владычица Ария, — сказала я твёрдо. — Велите страже обыскать каждый куст, каждую расщелину в вашем королевстве. Что-нибудь да отыщется.

— После тех событий мы спрятали артефакт, который пытался найти этот маг, и поставили у корабля стражу, — добавила королева, словно оправдываясь.

— Разумное решение, — кивнула я. — И всё же прочешите окрестности. Смею надеяться, что маг обнаружится в самом неожиданном месте.

— Хорошо, я прикажу, — произнесла русалка.

— Владычица, не сочтите за дерзость, но позвольте взглянуть на предмет, который искал тот маг?

— В этой просьбе я не вижу дурного, дитя Астры, — ответила она после короткой паузы.

Мы отправились к её коралловому дворцу, где хранился загадочный артефакт. По пути я не удержалась от вопроса:

— Владычица, почему в вашем роду существует традиция называть старшую дочь Арией? Неужели действительно в честь той самой русалочки?

— Да. Многие восхищаются подвигом Арии, что отдала столетия своей жизни ради человеческой любви, — ответила

королева, и в её тоне послышалась едва уловимая горечь. — Но с тех пор никто не совершал подобной глупости.

— Глупости? — переспросила я.

— Пожертвовать собой ради любви — это, по моему разумению, безумие.

— Пожалуй, я соглашусь с вами, владычица, — тихо сказала я.

Ария удивлённо приподняла бровь.

— Обычно люди не разделяют мою точку зрения.

— Всё дело в том, что за свою долгую жизнь — а это не одна сотня лет, — ответила я, — мне довелось увидеть лишь один пример настоящей любви и истинного родства душ. Да и сама я когда-то пережила любовь, полную трагедии и боли, но сумела сохранить в себе способность жить дальше.

Вскоре мы оказались у нужного места. Здесь подводный ландшафт менялся: гладкие коралловые террасы уступали место нагромождению тёмных валунов и обломков скал. В одном месте камни сходились так плотно, что образовывали подобие грота — его вход был почти скрыт завесой колышущихся тёмно-зелёных водорослей, похожих на тяжёлые бархатные портьеры. Сквозь них на стенах виднелись мерцающие пятна биолюминесцентных полипов — они горели тусклым голубоватым светом.

— Вот мы и на месте, дитя Астры, — сказала Ария, упорно именуя меня этим именем, и нырнула в проём.

Спустя несколько мгновений она вновь появилась на по-

верхности, держа в руках маленький предмет.

— Вот он, — произнесла она, протягивая вещь мне.

Я взяла её, ощутив вес и едва уловимое тепло, и вдруг мои губы тронула лёгкая улыбка.

Перстень был из серебра — не блестящего, а потемневшего, обласканного временем, с благородной патиной. Тонкая полоска металла плавно переходила в массивную оправу, в которой мягко мерцал лунный камень — молочно-белый, с едва заметным голубоватым отливом; он до сих пор хранил в себе волшебную энергию, заложенную в него много лет назад. По ободку вился тонкий узор — но не витиеватые завитки волшебной вязи, а чёткие, выгравированные линии, напоминавшие скорее рунические символы.

Астрея сразу поняла, что это не обычное украшение, и не простой артефакт. Это — гениальный инструмент, созданный признанными мастерами артефакторики. И теперь, когда впереди ждала тяжёлая работа, именно это мне и было нужно.

— Я знаю, что это, владычица, — прошептала я. — Перстень Незамутнённого Сознания.

— Что? — в голосе русалки прозвучало неподдельное изумление.

— Замечательный артефакт, позволяющий сосредоточиться на проблеме и найти решение. Если это возможно, конечно. Ещё он позволяет магам легче творить заклинания и поддерживать их в действии, если это требуется длитель-

ное время. И, что особенно удачно, артефакт полностью заряжен. Не отдашь ли его мне? Перстень очень пригодится на пути к моей цели.

— Мы и не догадывались, что храним вашу реликвию, — тихо проговорила Ария. — Сейчас он представляет опасность для моего народа, поэтому возьми его, дитя Астры. Используй с толком.

— Я оправдаю твоё доверие, — пообещала я. — Но почему ты отдаёшь его мне так просто?

— Потому что такой сильный маг, как ты, могла бы убить меня и всех моих подданных в одно мгновение. Но ты не причинила нам вреда — даже когда мы связали тебя.

— Благодарю тебя за помощь, владычица! — произнесла я искренне. — А теперь мне пора.

— Ты даже не останешься на праздник? — неожиданно спросила королева.

— Праздник, владычица?

— Праздник стихии воды. Сегодня особенные сутки. По нашим легендам, именно в этот день появился Мировой океан…

Я замерла, чувствуя, как время сжимается и каждый миг становится драгоценным.

— У меня осталось совсем немного времени… Но я останусь, владычица. Останусь на праздник. Если твои стражи в этот момент будут искать следы мага, убивавшего русалок, то, возможно, это не будет пустой тратой времени…

Глава 7. Концерт

Я больше не возвращалась в комнату, служившую мне временной тюрьмой, — вместо этого осталась во дворце рядом с владычицей. Королева русалок быстро отдала распоряжения страже, которая тут же бросилась исполнять приказ: искать преступника.

После недолгого отдыха Ария пригласила меня на прогулку. Всюду кипела подготовка к празднику: гирлянды из морских цветов и люминесцентных водорослей оплетали колонны, статуи украшали россыпи сверкающих ракушек и самоцветов, а престол владычицы с наружной стороны был выложен драгоценными камнями. Троны её дочерей выглядели менее роскошными, но в них тоже чувствовалась утончённая красота.

Но больше всего поражал коралловый дворец. Чтобы он вырос, понадобились целые века: кораллы множились, принимая самые причудливые формы. Их неровные поверхности переливались всеми оттенками розового, алого, золотого и изумрудного, и от этого зрелища захватывало дух.

Праздник удался на славу. Мне выпала честь сидеть рядом с королевой, пока на золотой сцене разворачивалось великолепное представление. Сначала нам показали спектакль «Истинная любовь», поставленный в честь легендарной Арии, — в нём сплетались боль и надежда, жертва и мечта, и даже

моё закалённое сердце дрогнуло, вспомнив трагическую историю любимой подруги.

После представления начался русалочий концерт, превзошедший всё, что я когда-либо слышала на суше. Здесь не было музыки, но голоса русалочек сливались в такую чистую, пронзительную гармонию. Даже пение эльфов меркло перед этой совершенной мелодией.

— Теперь мне стало понятно, почему моряки придумали себе страшных созданий — сирен, которые заманивают их на рифы, — сказала я, стараясь не смотреть на острые зубы владычицы, но невольно покосившись на тёмные зубцы подводных скал, едва различимые в мутной глубине.

— Да, — зазвенел смех Арии, — именно так. Русалки любят отдыхать на рифах в ясную погоду, и их волшебное пение привлекает внимание. Жаль, что собственная глупость моряков, которые меняют курс кораблей, чтобы увидеть прекрасных созданий, оборачивается бедой. Они не понимают: мы не зовём их к себе. Мы просто отдыхаем, развлекаемся и поём.

Я помолчала, обдумывая эту простую и оттого ещё более жуткую правду.

— Глупость, ведущая к гибели… — проговорила я тихо. — Но почему вы продолжаете петь, если знаете, сколько кораблей погубило ваше пение?

Ария перестала смеяться, и её лицо стало серьёзным, почти печальным.

— Мы не желаем людям зла, Астрея. Это наша суть — мы не можем не петь. А поднявшись вверх, увидев прекрасное небо, солнце, бескрайнее синее море или бушующий ураган с тёмными тучами и пронзающими небеса молниями, мы не в силах устоять и воспеваем увиденную красоту. Но море не разбирает, кто прав, кто виноват. Оно берёт свою плату. И порой эта плата слишком высока.

Я промолчала, вернувшись к поющим на сцене русалочкам. Теперь их пение уже не казалось столь чистым и невинным…

— Раньше, — Ария наклонила голову, тоже прислушиваясь к хору, — когда это не было запрещено наравне с посещением затонувших кораблей, русалки часто спасали моряков. Вытаскивали из воды, помогали добраться до берега. Но после нескольких таких случаев люди стали думать, что мы заманиваем их специально, чтобы потом потребовать какую-то плату или, ещё хуже, как в случае с сиренами, убить и съесть. Слухи разрастались, обрастали жуткими подробностями… Дошло до того, что на нас стали охотиться и убивать, а спасаемые люди отбивались до последнего… И в конце концов мы перестали помогать.

Я невольно сжала пальцы, ощущая, как в груди шевелится горькое сочувствие — и к русалкам, и к тем безымянным морякам, чьи истории давно превратились в сказки.

— Люди боятся того, чего не понимают, — проговорила я.

— Именно так, — кивнула Ария. — И страх делает их

жестокими. Поэтому теперь мы держимся в стороне. Пусть лучше считают нас далёкими чудовищами из сказаний, чем снова пытаются поймать или уничтожить.

Хор сменился солисткой с голосом, звучащим неожиданно низко и притягательно.

— А ты когда-нибудь видела моряков, владычица? — неожиданно спросила я, сама не зная, зачем. — Слышали ли с кораблей твой нежный голос?

Русалка на мгновение замерла, а потом тихо рассмеялась.

— Однажды. Очень давно. И даже спасла юношу. Он был совсем юным, почти мальчишкой. Его корабль разбился о скалы — не от пения русалок, а из-за ошибки штурмана, и он держался на воде из последних сил. Я подплыла, запела, чтобы успокоить его. Юноша перестал паниковать, позволил мне подтащить его к берегу. Когда он увидел меня… в его глазах не было ни страха, ни восторга — только бесконечная усталость. Он прошептал: «Ты настоящая…» — и потерял сознание. Я оставила его на песке, а когда вернулась через несколько часов, его уже не было. Наверное, кто-то из местных нашёл и увёл.

Она помолчала, глядя куда-то сквозь воду, будто снова видела того мальчишку.

— С тех пор я больше не пела для людей.

Я хотела сказать что-то утешительное, но слова виделись пустыми и ненужными — любая фраза, даже самая тёплая, прозвучала бы фальшиво, не дотянулась бы до той тяжести,

что повисла в воздухе: морская владычица, не верящая в любовь и в то же время безмерно тоскующая о том, что не случилось… Кто знает, если бы она вернулась к тем берегам, может быть, узнала, что тот юноша ждал её?..

Но я продолжала молча сидеть рядом и слушать выступления: голоса журчали, звенели, переливались — то становились пронзительно тихими, то обрушивались густым потоком, — и в этом звуке было что-то обманчиво успокаивающее. Я цеплялась за мелодию, как за тонкую нить, которая не давала окончательно провалиться в ту ледяную пустоту, что постепенно разрасталась внутри после разговора с владычицей. Хотелось верить: пока звучат русалочьи голоса, ничего по-настоящему страшного случиться не может — реальность где-то за пределами моря, а здесь, в глубинах, время течёт по другим законам.

Когда концерт закончился, наступившая тишина показалась особенно зловещей — она не принесла облегчения, обнажив напряжение, до этого скрытое за песнями.

В полумраке на сцену вывели связанного человека. Его руки были туго стянуты верёвкой — на этот раз совершенно обычной, только сплетённой из водорослей. Я резко побледнела, мгновенно узнав его — по тому, как он чуть наклонял голову, по тёмной пряди, всегда выбивавшейся на лоб. Это был он. Всё внутри сжалось, и на секунду мир сузился до одной точки — фигуры на сцене.

— Владычица, — проговорила русалочка, приведшая

пленника, — вот тот маг, который убивал наших сестёр!

Лицо Арии не дрогнуло, но я почувствовала, как в зале сгустилась тяжёлая ненависть.

— Морская владычица! — быстро произнесла я, опережая любой приговор. — Это не он! Клянусь тебе!

— Но, дитя Астры, откуда ты знаешь? Доказательства налицо.

— Поверь мне, владычица. Какие доказательства?

— Он пойман недалеко от корабля, — ответила русалочка, державшая пленника.

— Тогда и я подхожу под приметы, — хмыкнула я. — Я даже больше подхожу, потому что побывала внутри судна.

— Но он мужчина.

— Владычица, этот человек долгое время находился во дворце Аурелии. Он точно не мог совершить преступлений здесь. В путь он отправился уже после меня.

— Я верю тебе, дитя Астры, — после короткой паузы произнесла Ария. — Забирай его и возвращайтесь на сушу. Здесь стало слишком много людей…

Я уже повернулась, чтобы подплыть к пленному, но Ария схватила меня за руку. Я обернулась и увидела, как её бледная, с зеленоватым отливом кисть крепко сжимает моё предплечье. Наши взгляды встретились: в прозрачных глазах королевы русалок читалась тревога, почти мольба.

Заметив во мне угрозу, Ария тут же отпустила руку.

— Астрея… — проговорила она тихо. — Я лишь хотела

предупредить: будь осторожна. Я не чувствую зла в этом человеке, но это значит лишь одно — оно всё ещё находится где-то рядом. А теперь у тебя артефакт, который нужен ему, и он найдёт тебя.

Я продолжала смотреть на неё холодно и молча, позволяя молчанию говорить за меня.

— Прошу об одном… — снова заговорила морская царица, и голос её дрогнул. — Не заиграйся.

— Что? — от удивления я сбросила маску ледяной сдержанности.

— Тень в тебе… — прошептала Ария. — Свойство русалок — видеть суть, и я вижу твою: плетение злости, ярости, боли, вины… Не осталось почти ничего светлого. Эти эмоции могут стать оружием, которым воспользуется твой враг. Не пытайся быть кем-то другим. Прими себя. И не играй со злом.

Я медленно кивнула, не обещая ничего, но и не отрицая.

— Я понимаю, владычица, — произнесла я спокойно. — И твои предупреждения не напрасны. Но я давно научилась жить и с болью, и с яростью, и с виной. Они стали частью меня.

Глава 8. Его видели!

Я вынырнула на поверхность недалеко от берега. Волны с глухим рокотом бросались на скалы, разбивались в брызги и тут же тянулись вперёд новой стеной. Ветер неистово дул, свистел в расщелинах и заставлял солёные капли лететь в сторону суши.

Рядом со мной пытался отдышаться брат Энделлиона — Элиен. Он нисколько не изменился за время моего отсутствия: всё те же чёрные волосы и серые глаза, совсем как у его брата, императора Сильвэйна.

Вплавь мы добрались до суши — благо было недалеко, а заклинания выносливости поддержали наши силы. Но даже с магией каждый гребок здесь давался тяжелее обычного: море проверяло нас на прочность волнами, норовившими сбить с ритма, и течениями, тащившими в сторону.

Над берегом кружили чайки; их крики тонули в рёве волн, а где-то выше, на уступах, виднелись гнёзда — неуютные кучки веток и перьев, прилепившиеся к отвесным стенам. Пахло солью, мокрым камнем и йодом, и этот запах был таким резким, что, казалось, оседал на языке горькой плёнкой.

Едва выбравшись на скалистый берег и с трудом отдышавшись, я решительно подошла к Элиену: некоторые вопросы необходимо было прояснить немедленно. Под ногами хрустели острые, неровные камни, кое-где поросшие жёсткими

пучками бурых водорослей, цепляющихся за сапоги.

— Элиен! Проклятье, что ты здесь делаешь?! Ты понимаешь, что мог погибнуть?

— Я искал тебя! Нужно рассказать тебе срочные вести…

— Искал в русалочьем царстве?

— Да. Кларисса подсказала, что после прочтения книги, которую она дала тебе в дорогу, ты, вероятнее всего, отправишься в Море Ветров.

— Но я даже сама не знала, что буду именно там! Я не добралась до конечной точки — решила поплавать и неожиданно нарвалась на приключения. По сути, я получила и сведения, за которыми отправлялась, и дополнительные бонусы в виде пророчества, затопленного «Стремительного» и очень полезного артефакта. И всё же…

— Ты что, допрашиваешь меня? Неужели действительно думаешь, что я мог убивать русалок?

— Ты что, совсем дурной? Нет, конечно. Просто думаю, с чего это ты так меня искал, да ещё и смог найти… Не иначе как чудо. Подозрительно…

— Астрея, мне даже обидно. Сама посуди: стал бы я просто так бросать Стеллу одну через неделю после свадьбы, если бы не было срочных новостей? Когда она с таким трудом согласилась на брак — уж очень ей нравилось быть сильной и независимой, несмотря на всю нашу любовь. И разве я когда-либо походил на безумного кладоискателя? Или пытался стать героем и правителем — как брат?

— Да нет, в таких извращениях я тебя, вроде бы, не замечала…

Действительно, не похоже на Элиена. Хоть титул наследного принца Валена когда-то принадлежал ему, но сам он никогда не кичился положением: оставался простым, рассудительным человеком и слыл блестящим стратегом. В науках юноша преуспел намного больше, чем в искусстве фехтования или атакующей магии, зато был не по годам мудр и отважен. И достаточно сообразителен, чтобы не лезть на рожон или затевать драку.

— Тогда какого… — я медленно вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться. — Что ты здесь делаешь?

Элиен замялся, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Элиен, проклятье! Говори правду, иначе я тебя возьму с собой на поиски, и ты ещё долго не увидишь свою любимую жену!

Но друг только расхохотался от моей угрозы.

— Рея, ты слишком хорошо меня знаешь!

— Эл! Хватит ходить вокруг да около! Я тороплюсь, и ты, вроде, тоже.

— Я не тяну, просто не знаю, как тебе сказать…

— Скажи уже хоть как-нибудь!

— Ладно… Ты помнишь Ангуса?

— Ангус? — я не сразу вспомнила. — Это не тот несчастный, в которого вселился Эфилиас в своё последнее явление?

— Да. Его видели в Аурелии.

— Что? Как? Мы же уничтожили его! Он исчез перед нашими глазами!

— Да знаю я, что ты меня уговариваешь? Я же тоже там был…

Ветер вдруг стих на мгновение — и в этой короткой паузе смысл сказанного выделился особенно ярко.

— Это не может быть он, — прошептала я. — Мы всё сделали правильно. Кларисса… Да все мы! Всё было идеально! Все признаки вели к тому, что пророчество сбылось, а значит… Бог кошмаров уничтожен!

— Может, это не он сам, — перебил Элиен. — Может, это след. Или осколок. Или проклятие, которое не хочет умирать. Или сам Ангус… Но только не он.

Я сжала кулаки, чувствуя, как холод моря пробирается под кожу, смешиваясь с ледяным ужасом.

— И ты пошёл искать меня, потому что…

— Потому что, если это правда, если Эфилиас смог вернуться, то он будет искать тех, кто его изгнал. Ты причастна к этому делу — и при этом единственная из нас, кто сейчас вне защищённого дворца. Ты — его главная цель.

— Брось, его целью должна быть Кларисса. Она проводила ритуал, без их с Энделлионом силы ничего бы не получилось…

— Для слияния нужны были все. Не преуменьшай свои заслуги.

— Но…

— Хорошо, если ты хочешь, чтобы я это произнёс, я скажу. Для Эфилиаса ты — особое создание. Мы не знаем почему, но Кларисса уверена, что с далёкого прошлого, с тех времён, когда он управлял тобой, у него сформировалась привязанность к тебе.

Волна с грохотом ударилась о скалы, окатив нас брызгами, и этот шум смыл последние остатки надежды на простое объяснение.

— Значит, времени у нас ещё меньше, чем мы думали, — выдохнула я. — Если Эфилиас действительно цепляется за этот мир, если он вернулся и будет искать меня… Проклятье!

Элиен кивнул, стирая с лица солёные капли.

— Тогда не тяни. Расскажи обо всём, что ты обнаружила.

Я присела на шершавый камень и заложила мокрую прядь за ухо — сил не было даже на простейшее заклинание, чтобы высушить себя. Потом достала из кармана смятый клочок бумаги — тот самый, из-за которого и оказалась под водой.

— «Она безумие и яд искоренит, навеки уничтожив злую волю. Снимет проклятие, людей освободит, и обретёт душа желанную ей долю». Я нашла этот обрывок у самого дна. А недалеко от этого места — «Стремительный», затонувший много лет назад.

Элиен резко поднял голову.

— «Стремительный»? Корабль далёких предков Кла-

риссы?

— Да, — кивнула я. — Он лежит на дне моря Ветров, наполовину погребённый в иле. А в королевской каюте… — голос дрогнул, но я заставила себя продолжать. — Там сохранились письма, Эл. Письма Клариссы к родителям. И письмо Элиена… то есть Энделлиона… то есть прошлого воплощения твоего брата…

— Я понял, — хмыкнул Элиен.

— Его письмо к королю Лоуэну и королеве Исабель. О том, что они с Клариссой сочетались браком.

Элиен побледнел, и серые глаза на мгновение стали совсем пустыми.

— Трагическая судьба… И сама Кларисса, и её родители, погибшие в море.

— Они не страдали, — тихо сказала я, хотя не знала этого наверняка. — Исабель знала, что корабль затонет. Она оставила письмо. Без подписи, но почерк выдал её. Королева писала, что морской демон уже обнаружил судно и что гибель будет внезапной и скорой. Она не стала сеять панику среди экипажа.

— Знала — и всё равно вышла в море?

— Будущее было скрыто от королевы, пока они не прошли точку невозврата. А потом уже стало поздно.

— Воистину, Боги были жестоки с семьёй Клариссы. Ведь, если я правильно помню, через полгода после того, как «Стремительный» пропал в море, демон моря Ветров был

уничтожен командой героев.

— Именно так. И ещё… — я вытянула руку, показывая кольцо. — Королева знала, что кто-то найдёт корабль. И что ему понадобится Перстень Незамутнённого Сознания.

Элиен впился взглядом в артефакт на моей ладони.

— Это же… Легендарное кольцо для ментального усиления!

— Да. Русалки нашли его раньше меня и спрятали. Точнее, спрятали после того, как какой-то маг пытался его искать — ловил русалок, пытал их. Ария, морская владычица, отдала его мне.

— И ты хочешь сказать, что маг, который пытал русалок…

— Не ты, — быстро сказала я. — Это я поняла с самого начала. Но кто-то был. И, если твоя информация верна, наиболее вероятно, что это был Ангус… Или Эфилиас. И теперь, кроме его личной цели, у него есть ещё одна — артефакт, который он ищет, тоже у меня.

Элиен кивнул, и в его взгляде мелькнула собранность, которая выдавала момент включения холодного расчёта.

— Рея, ты говорила, что не добралась до конечной точки. Но на корабле остались твои вещи?

— Да. Сумка с картами, деньги, вещи… Их можно найти в дороге. У меня по всему свету расставлены тайники с припасами. Капитана зовут Рорик Таллвуд, это капитан «Луноликой девы». Я оставила ему задаток — но не всю сумму.

С гарантией получения второй части у императора и императрицы Сильвэйна. Но у нас был уговор: если я пропала в море, он должен был ждать на месте три дня, а потом ещё десять дней в таверне «Медный якорь» в Касле.

— Три дня прошло?

— Наверно, да. Я потеряла счёт времени у русалок. Если прошло больше… Рорик — честный человек, но он не будет ждать вечно. Не мог бы ты найти его?

— Сделаю.

— Спасибо. И, Элиен… не заставляй Стеллу ждать тебя слишком долго. Я найду Ангуса… или Эфилиаса… и разберусь с ним.

— Астрея, я могу помочь тебе…

— Ты уже помог. Иди! Я справлюсь!

Элиен улыбнулся и побрёл в сторону видневшейся деревни. До чего же обаятельная улыбка у этого чертёнка. Повезло Стелле — уж не знаю, чем эта лисица заслужила такого мужа.

Глава 9. Ловля на живца

Я проводила Элиена взглядом — его худощавая фигура быстро растворилась в туманной дымке, что висела над тропой к деревне. Не оборачиваясь, он на прощание махнул мне рукой. Хороший знак: значит, действительно не волнуется. Или делает вид, что не волнуется, — с Элиеном никогда не разберёшь.

Когда шаги стихли, я осталась одна. Оставалось лишь решить, как действовать дальше.

А решение уже созрело.

Если Ангус — или Эфилиас, или его осколок, или тень, или что бы это ни было — ищет меня, то лучше пусть найдёт там, где я к этому готова и на моих условиях. Не в спину, не во сне, не когда я ползу по земле в полубессознательном состоянии.

Да, ловля на живца — идеальный вариант. А в качестве приманки — артефакт и… я?

Отойдя от берега, я забралась выше на скалы, туда, где каменные глыбы образовывали нечто вроде амфитеатра: естественные скалы, узкий проход, открытая площадка в центре. Место, где можно было держать ситуацию под контролем. Окинув взглядом окрестности, я двинулась к дальней стороне и остановилась у расщелины.

Первым делом — защита. Не обычная, грубая и явная ма-

гия, а тонкая и искусная работа: я плела сигнальную сеть, растянутую на сто шагов вокруг. Незаметная, как паутина на ветру, она не остановит ни удара, ни заклинания — только дёрнет меня изнутри, если кто-то переступит черту. Для начала этого хватит.

Потом — ловушки. Три. Первая: круг оцепенения на проходе между скалами. Кто встанет внутрь — потеряет способность к движению. Вторая: невидимая паутина — классическая ловушка из липких нитей. Третья — самая простая и надёжная: сеть-замок, привязанная к перстню. Если коснуться её, нить стянется и притянет жертву к ближайшей скале. Намертво.

Закончив, я отошла к центру площадки, наконец высушилась — и сразу перестала дрожать. Соорудив небольшую лежанку из пучков сухой травы, я улеглась на ней, но засыпать сразу не стала — выпустила наружу тонкую, едва заметную нить своей, довольно своеобразной и узнаваемой силы.

И только тогда позволила себе провалиться в сон.

Когда я ощутила первый сигнал, солнце уже клонилось к закату. Вынырнув из сна, и приглушив настойчивый колокол, звенящий в моём сознании, я тут же почувствовала ЕГО. Он шёл осторожно, крадучись, магией подавляя шорох подошвы о камень. Но моя сеть фиксировала и звуки, и колебание магического фона. А тот, кто приближался, имел магии гораздо больше, чем обычный человек. Тот, кто шёл ко мне, был Богом.

Я не шевельнулась. Не открыла глаз. Только сердце стукнуло чуть быстрее, и внутри шевельнулось опасное желание ударить первой, не ждать.

Второй сигнал — ближе, шагов сорок. Тридцать. Двадцать.

Он остановился на границе круга оцепенения.

Знакомая энергия. Очень знакомая. Изначально шансов на успех поймать его было мало: даже опытный маг почует ловушку прежде, чем в неё попадёт, а тут… Я ощутила, как он неощутимо потянулся магией к самой сети, пытаясь нащупать её контуры. Но она была слишком хорошо спрятана: я плела её из собственных, привычных нитей, замаскированных под естественный магический фон побережья. И он медлил. Изучал. Ждал.

И тогда я сделала то, к чему он не был готов.

Я заговорила.

— Ты можешь выйти, — произнесла я ровно, не поворачивая головы. — Или продолжать прятаться за камнями. Но мне надоело ждать: эти несколько дней были полны событий. Я устала.

Тишина. Только ветер. Только волны.

Потом — шаг. Ещё один. Скрип гальки под сапогом. И из-за выступа скалы вышел человек.

Высокий. Худой. Светлые волосы, длинные, спутанные, падают на плечи. Одежда потрёпанная, но не нищенская — когда-то добротная, теперь потёртая дорогами. На поясе пе-

ревязь с одноручным мечом в ножнах.

Внутри у меня всё оборвалось. Но не потому, что я знала этого человека — кто это, я поняла сразу, как только его ощутила моя сигнальная сеть. А потому, что теперь видела его глаза.

Чёрные. Несущие в себе все кошмары этого мира.

Эфилиас действительно был жив и находился прямо передо мной.

Видимо, мне суждено задержаться здесь с этим подонком. Суждено… Глядя на спокойное лицо стоящего передо мной мужчины, так не похожего на безумца, которого мы уничтожили, я вспомнила предсказания, которые показала мне Кларисса. Суждено… Плющ, священное растение Бога кошмаров, и роза, возможно, символизирующая меня. И тогда Эфилиас, как и я, — ключ к спасению Торвейла? Что ж, попробуем выяснить…

— Астрея, — произнёс он мягким, почти ласковым голосом, и от этой мягкости по коже пробежал мороз.

— Ну, здравствуй, Эфилиас, — ледяным голосом произнесла я. — Как ты выжил? Как сохранил тело Ангуса?! Мы думали, ты мёртв!

— Я тоже думал, что умер. Но, как оказалось, моя частичка осталась в этом мире. Ангус не исчез, а перенёсся в одну из дальних деревушек Валена… Ах, да, уже Сильвэйна. Его души уже не было, и я существовал механически: работал, обеспечивал потребности тела, не более того. Но постепен-

но частичка меня становилась сильнее, я восстанавливал память по кусочкам, пока не начал осознавать себя. Порой думал, что я схожу с ума…

— А был ли он у тебя вообще? — прошептала я в ужасе.

— Ты что-то сказала?

— Нет, продолжай, — я вернула свой ледяной тон.

— Мне чудилось, что я — это Ангус, а он — это я… Позже память вернулась, но некоторые фрагменты до сих пор остаются сокрытыми в тумане, а сознание двоится. И это привело меня к тому, что я должен вернуться в Торвейл — туда, где я совершил одну из первых ошибок и где в проклятье до сих пор спит огромная сила, принадлежащая мне. Так я и начал искать город, которого нет.

— Ты хоть представляешь, что наделал? Зачем ты убивал русалок?

— Я их не убивал.

— Ладно, пытал.

— Да и не пытал даже. Связывал и допрашивал, пытаясь добыть сведения. Видимо русалки несколько преувеличили свои страдания. И ты знаешь, как они относятся к своим святыням. Скорее мои попытки обыскать корабль послужили поводом для моей демонизации. Впрочем, это не самое ужасное, что я делал.

— Зачем тебе перстень?

— А он не для меня. Я не смогу им воспользоваться, потому что он враждебен к моей силе.

— А зачем?

— Для тебя, конечно.

— Ты говоришь загадками.

— Перстень нужен тебе, чтобы снять проклятье.

— Хм… Ты искал меня до того, как вышел на след Эльмира. Почему?

— Я бы сказал, но ты не поверишь, Астрея.

— Ты попробуй.

— Я люблю тебя, — просто сказал он, и я потеряла дар речи.

В голове проносилось всё, что я знала об Эфилиасе. Бог кошмаров. Тот, кто управлял мной, направлял мои действия во зло. Хотя воспоминаний у меня почти не осталось, лишь ощущения: холод, тьма, чужая воля, вдавленная в мою. Кларисса говорила, что именно после этого у Эфилиаса сформировалась болезненная привязанность ко мне. Не любовь. Одержимость. Собственничество. Желание обладать, подчинить, присвоить. То, что он называл привязанностью, было лишь голодом вечного одиночества. И самое страшное виделось в том, что я могла его понять.

— Ты прав, я не верю, — наконец ответила я. — И не поверю, что такое чудовище, как ты, способно любить.

— Но это так, Астрея, как бы ты ни пыталась отвернуться от истины.

— Какой же сумасшедший бред… Почему ты ищешь Эльмир?

— Хочу вернуть силу. После нашей битвы остатки божественной мощи растворились в мире. Единственный мой шанс выжить — забрать силу, осевшую в Торвейле. Иначе я очень быстро вернусь к своим истокам — в безбрежные просторы космоса.

— Так может и стоит?

— Астрея, я нужен этому миру. Без равновесия он рухнет как карточный домик.

— Почему не сделал этого раньше? Ты же после возвращения из плена мог обрести полную мощь.

— Почему не сделал? До нашей битвы в пещере Тысячи огней я собирал сведения. Просто немного не успел — твоя подруга очень «удачно» влезла в мою ловушку, и я не смог отказать себе в попытке уничтожения угрозы. Да, вы победили… И всё же шанс был.

— Не было у тебя шанса…

— Это уже не так важно. Вернув воспоминания, я уже знал всё, что мне было необходимо для поисков города.

— Эфилиас, я не буду играть в игру «Кто быстрее отыщет Торвейл», я просто уничтожу тебя.

— Не выйдет, Астрея. Не уничтожишь.

— И почему же ты уверен в этом, Эфилиас?

— Наши судьбы связаны, и мне суждено изменить твою.

— Ты уверен?

Ужас, обуявший меня после того, как я поняла, что Бог кошмаров жив, прошёл. Я вновь обрела спокойствие и по си-

ле превосходила нынешнего Эфилиаса. Но вот в глубине души сидел маленький червячок сомнения, который ясно помнил пророчество. Эти мысли не давали мне поступить, следуя импульсивному желанию уничтожить зло, потому что тогда, вполне вероятно, будет потерян единственный шанс вернуть Торвейл.

— Абсолютно, — Эфилиас, вопреки моим ожиданиям, оставался серьёзным.

— Проклятье! Видимо, у меня нет выбора — дальше мы идём вместе и найдём Торвейл. Но не думай, что я позволю тебе забрать энергию и жизнь города. И я буду следить за тобой. За каждым твоим шагом!

— Как бы я посмел…

Я присмотрелась к Эфилиасу: мне показалось, или он действительно издевается? Вот сволочь!

— Считай, что я не заметила сарказма. Не хочу тратить время на перебранки.

— Я думаю, время — меньшая из твоих проблем, — произнёс Эфилиас, пряча усмешку.

— В этом ты, несомненно, прав. Меньшая. Но я бы на твоём месте не была так уверена, что не убью тебя. Ведь теперь ты — большая из моих проблем.

Бросив прощальный взгляд на море, я развернулась и пошла к деревне, находившейся в противоположной стороне от той, куда ушёл Элиен. Время не ждало. Скоро в центре звезды силы появится Эльмир. А до этого времени мне нужно

добраться до места предполагаемой визуализации города и стабилизировать его, привязать к месту. Надолго этой магии не хватит, но несколько дней Торвейл должен находиться на одной точке.

Я не следила за Эфилиасом глазами, но чувствовала: мой «Нежданчик» идёт следом. Вот уж точно, подарок судьбы. Жаль, что пять лет назад не удалось качественно прихлопнуть этого таракана. И тут же спохватилась: ремесло наёмницы не могло не вызвать морально-нравственной деформации. Но все мои этические проблемы не затмевали основного вопроса: что же мне делать с этим недобитым Богом?

Он шёл за мной на расстоянии — не приближаясь, но и не отставая. Я ощущала его присутствие, как ощущают чужой взгляд на загривке: не больно, не страшно, но раздражает, как муха, что кружит над ухом и не даёт прихлопнуть себя. Он не торопился, чтобы обогнать. Не прятал своей сути. Просто шёл, будто так и должно быть — попутчик, идущий в одну сторону по одной дороге со мной. И это выводило из равновесия больше всего.

Я прибавила шагу. Тропа вела прочь от берега, вглубь: скальник под ногами сменился жёсткой травой, вокруг возникли кустарники — низкие, цепкие, с мелкими серыми листьями. Выйдя на узкую, разбитую дорогу, мы увидели свежие следы тележных колёс — значит, до деревни недалеко. Полдня пути, может, меньше, если не сбавлять темп. И я не сбавляла.

За спиной — тихий, ровный шорох шагов. Эфилиас двигался удивительно бесшумно для человека — хотя даже сейчас он не был ни человеком, ни магом в полном смысле этого слова. В прошлом, когда Эфилиас ещё управлял мной, я не обращала внимания на такие детали: тогда его присутствие было чем-то естественным, как темнота ночью или холод зимой. Он был частью меня — моей личной тьмой. Теперь же ощущение его ауры рядом вызывало желание обернуться и ударить. Не заклинанием. Кулаком.

Но я не оборачивалась. Не хотела доставить ему этого удовольствия.

В животе предательски заурчало, и я поняла, насколько голодна. Обычно потребности тела привлекали моё внимание только в случае крайней нужды: столетия жизни приучили меня относиться к телу как к инструменту — подчинённому, надёжному, но не главному. Еда, сон, отдых — всё это существовало где-то на периферии, в стороне от того, что действительно имело значение. Но сейчас тело решило напомнить о себе — нагло и настойчиво.

Благо Эфилиас явился с экипировкой, и мне не нужно будет тратить время, чтобы добыть нам еду, — можно будет купить её в ближайшей деревне. Увы, в ней не было моих «заначек», а делать крюк не хотелось. Тайники с припасами, деньгами и вещами были спрятаны по всему свету — привычка, выработанная столетиями странствий, — но ближайший лежал в стороне от моего маршрута, и идти к нему зна-

чило потерять несколько дней, а может, и недель, если в пути случится что-то непредвиденное. Недель, которых у меня не было.

Удивительно, но, кажется, мне есть за что быть благодарной Эфилиасу. Эта мысль застряла в голове, как заноза, и я долго её обдумывала, пытаясь понять, что чувствую на самом деле. Благодарность к существу, которое когда-то поработило меня? К тому, кто убивал, манипулировал, разрушал? К тому, чья тень сейчас шагала за моей спиной с издевательским спокойствием?

Нет. Не благодарность. Практичность. Он дал мне то, в чём я нуждаюсь сейчас, и сделал это не из доброты — Эфилиас не знал, что такое доброта, — а из расчёта. Я должна быть живой, сытой и сильной, чтобы дойти до цели. Он просто заботился о своём инструменте. Как и когда-то.

Я стиснула зубы и прибавила шагу, чуть не споткнувшись о корень. Тропа начала забирать вверх, поднимаясь на невысокий холм, поросший колючим кустарником, и с его гребня наконец показались признаки жилья: тонкие струйки дыма, поднимающиеся над крышами, и мерцающие точки огней — тусклые, едва заметные в предвечернем свете. Деревня. Маленькая, прибрежная, из тех, что живут рыбной ловлей и тем, что море выбрасывает на берег после шторма.

Я замедлила шаг, давая себе секунду на то, чтобы привести мысли в порядок и вернуть на лицо обычное безразличное выражение. Нельзя входить в поселение со злым лицом

наёмницы, больше всего на свете мечтающей убить своего напарника.

Глава 10. Планы (Пустые разговоры)

В Скальме, той самой прибрежной деревне, мы не задержались даже на ночь. Купив необходимые припасы и вещи взамен оставленных мной на «Луноликой деве», мы тут же двинулись дальше — едва ли успев толком разглядеть кривые улочки и деревянные дома с потемневшими ставнями.

И шли почти без отдыха около трёх недель — день за днём, сквозь дожди и палящее солнце, через леса, где тени были слишком густыми, и по каменистым тропам, где каждый шаг отзывался усталостью в мышцах. Ноги гудели, плащи пропитались дорожной пылью, а разговоры свелись к коротким фразам о воде, еде и том, сколько ещё осталось до цели. Но я не позволяла себе замедлиться: в груди жило упрямое чувство, что промедление может всё испортить.

Я не верила Эфилиасу и следила за каждым его движением с навязчивой одержимостью, ловя малейшие перемены в его настроении и движениях: в том, как он сжимал рукоять своего меча или отводил взгляд, пытаясь скрыть усталость — или что-то куда более важное. В его молчании мне чудилась целая сеть недоговорённостей, и я мысленно раскладывала каждое слово, сказанное им за эти недели, пытаясь отыскать в них намёк на предательство. Порой мне казалось, что он

чувствует на себе мой взгляд, но всякий раз, когда я поднимала глаза, он смотрел строго вперёд. Я понимала, что понемногу схожу с ума от своей паранойи, но не могла позволить себе ошибиться.

В одном из городков на нашем пути мы посетили оружейную лавку, и я приобрела кинжал и лёгкий одноручный меч — оружие хоть и не любимое мной, но, учитывая экипировку Эфилиаса, я сочла необходимым иметь при себе то, чем смогу защититься от своего спутника.

И вот, наконец, мы приблизились к цели. Тропа вывела нас на пологий склон, откуда открывался вид на огромную долину. Я окинула её взглядом, стараясь запомнить каждый изгиб рельефа, и только потом позволила себе выдохнуть. А следом — улыбнулась: мы добрались.

Волею судьбы мы вышли на отличный наблюдательный пункт. Отсюда видно было всё: и тропы, и редкие рощи, и даже мерцание далёкого ручья, похожего на серебряную нить. Именно в этой долине через день-два должен был появиться Эльмир.

— И что мы теперь будем делать? — спросил Эфилиас.

— Ждать. Когда появится Торвейл, я стабилизирую его потоками силы.

— Это невозможно. Проклятие не даст закрепить сущность страны.

— Мне поможет перстень. Ты же знаешь, что он уже у меня. С его силой я смогу удержать город, даже если магия

будет стремиться сохранить мобильность проклятья.

— Ты не понимаешь. Проклятие впитывает в себя силу. Чем больше ты будешь вливать, тем яростнее оно станет сопротивляться.

— Я знаю, на что иду, — твёрдо ответила я. — Перстень поможет сформировать сдерживающие факторы. Я не стану лить силу бездумно, а поставлю якоря. Это удержит Торвейл на месте хотя бы на несколько дней. Лучше скажи, ты сам сможешь снять своё проклятье?

— Даже если бы я и хотел, силы не хватит.

— Скажешь мне, как снять проклятие?

— Нет. Сам — снял бы. Но отменить чужое заклинание… Ох, это тот ещё прыщ на заднице.

— Не выражайся.

В обычном состоянии я бы уже давно мечтала шарахнуть Эфилиаса каким-нибудь особенно противным заклинанием по наглой морде. Но сейчас я экономила силы и копила магическую энергию, которая имела особые свойства, присущие только мне — дочери Богини звёзд и человека: в большом количестве она выжигала все эмоции.

Проблема была и в том, что у меня не было магического сосуда, присущего стихийным магам, — только канал, через который я, в отличие от других астромагов, могла зачерпнуть невероятное количество силы. Именно поэтому то, что я собирала сейчас, копилось прямо в теле, напрямую влияя на процессы, которые в нём происходили, особенно затрагивая

сферу эмоций…

Мы не стали задерживаться на гребне холма — я молча выбрала участок чуть ниже по склону, где ветер не так рвал одежду, а камни не впивались в спину, когда придётся лечь спать. Эфилиас без лишних слов принялся собирать хворост; я же расстелила грубое походное полотно, нашла несколько плоских камней и сложила из них незамысловатый очаг. Пламя занялось быстро — сухие ветки трещали, огонь ярко горел, согревая нас почти домашним уютом.

Я вынула из мешка сушёное мясо, разделила на две порции и одну протянула Эфилиасу. Он сел на край полотна и принялся есть, глядя, как искры взмывают вверх и тут же гаснут в темноте. Я устроилась напротив, стараясь держать между нами расстояние, равное длине меча. Некоторое время мы ели в тишине. А затем…

— Скажи, Астрея, ты была счастлива? — с несвойственным ему любопытством спросил Бог кошмаров. — За все свои годы ты хоть раз была счастлива?

— Была. Пока не узнала, что всё имеет цену. Даже любовь. Даже счастье.

— И ты была не согласна её платить?

— Я заплатила. За несколько лет счастья я заплатила кровью.

Мы помолчали.

— Знаешь, дочь Астры, а я ведь тоже никогда не был счастлив по-настоящему…

Хм, интересно, к чему он ведёт? Эдакая исповедь двух неудачников…

— Всегда второй, всегда в тени своих близких… В сущности своей я не злодей, просто так карта легла. Хотел привлечь к себе внимание, доказать, что я не хуже. И где-то перешёл черту… Постоянно терзающее чувство неполноценности убивало любую искренность.

— Неудачник с манией величия, — пробормотала я себе под нос.

— Что?..

— Нет-нет, ничего. Ты продолжай.

— Селестия, женщина-загадка: чистая, мудрая, вечная. Она всегда знала больше, чем говорила — и в этом была её сила. В её молчании слышалась целая библиотека невысказанных истин: стоило ей чуть приподнять бровь, и мы тут же начинали сомневаться в собственной правоте. Её мудрость не кричала, не била наотмашь — она просачивалась в разговор, как лунный свет сквозь тонкую ткань, мягко меняя очертания наших убеждений. И оттого рядом с ней даже самые отчаянные планы начинали казаться надёжней, чем скалы, а самые тёмные страхи — нереальными и далёкими. Солар — весёлый, лёгкий, сотканный из солнечных зайчиков и беспечного смеха. Он никогда не страдал от неудач: для него каждая осечка была не концом, а новой дорожкой, которую только предстояло исследовать. Он умел находить хорошее даже в самой тёмной душе и знал: в каждом прячется искра,

стоит лишь подобрать нужные слова, чтобы она разгорелась. В его движениях не было ни резкости, ни суеты: он двигался так, как движется солнечный луч, скользящий по воде, — легко, но неотвратимо. И если в комнате становилось холодно, достаточно было, чтобы Солар просто вошёл и улыбнулся — и воздух теплел, а тени отступали, смущённо прячась по углам. Солар не делил мир на чёрное и белое. Для него даже в самой густой тьме пряталась искра света: «Может, она и маленькая, — говорил он, склоняя голову набок, — но если её не спугнуть, она разгорится». И при всей своей лёгкости он не был наивным. Солар видел, как ломаются люди, как страх и вина разъедают изнутри, как гордость мешает попросить о помощи. Но он не пытался чинить их силой — иногда хватало одного тёплого слова, одной улыбки или собеседника, который не отводит взгляда и не морщится от чужой боли.

Эфилиас немного помолчал, глядя на огонь. А после продолжил:

— Астра — самая умная. Богиня, держащая в руках судьбы мира. Она не просто читала по звёздам будущее — она видела целые истории: как сплетаются нити случайностей, как один взгляд, одно слово, один шаг могут изменить баланс сил на десятилетия вперёд. Для неё небо было не картой, а живым разговором, и она слушала его с той сосредоточенностью, с какой музыкант вслушивается в едва уловимую ноту, чтобы не пропустить момент, когда мелодия начнёт меняться.

Грустный Бог поворошил палкой угли, не давая им погаснуть.

— Я до сих пор представить не могу, что у них что-то не получится… Ведь когда Селестия добавляет к плану свою мудрость, Солар наполняет его светом и верой, Астра видит все развилки наперёд — сама вселенная вынуждена подстраиваться под их замысел. И я… В сравнении с ними никогда и ни в чём не преуспевший, только портивший всё своими кошмарами наяву…

— К чему ты всё это мне рассказываешь? Чтобы я пожалела тебя? Так это к Её Величеству Клариссе, а я добротой никогда не славилась. Да и сопли страдальцам вытирать не приучена.

— Я хочу, чтобы ты поняла, зачем я всё это делал, и почему не хочу снимать проклятие. И почему всё-таки помогу тебе его снять.

— Поможешь ты потому, что иначе я уничтожу тебя.

— Рея, ты не понимаешь. Ты не сможешь уничтожить меня полностью: лишишь тела — частичка Бога найдёт новое пристанище, отберёт ещё одну душу. Жизнь, смерть… Всё это давно потеряло для меня смысл, — с внезапной страстью продолжил Эфилиас, а я продолжала безразлично смотреть на него. — Долгое время я жил лишь со своей навязчивой идеей: доказать всем, что я не хуже, возвыситься над братом и сёстрами… Хотел сделать нечто правильное, как в случае с Торвейлом. Потом жаждал уничтожить тех, кто стал при-

чиной моего падения… Уничтожить их всех: Злату, Максима… Алёну… А потом я встретил тебя. И лишь начал осознавать, что именно ты для меня значила, когда Кларисса встала между нами.

— О, мать моя Богиня звёзд, — произнесла я, подумав, что вот только этого мне и не хватало для полного счастья. — Ещё скажи, что я всё для тебя изменила.

— Да… Нет… — Эфилиас замялся. — Скорее нет, но… Ты дала мне новую цель.

— И какую же?

Он грациозно встал, обошёл вокруг костра, присел рядом со мной и, глядя мне в глаза, зашептал:

— Ты… Такая мечущаяся между светом и тьмой, такая наивная и одновременно роковая. Ты вызываешь у меня желание научить тебя тьме, похитить твою душу. Ты — единственная из женщин, кто сводит меня с ума…

— Так вот в чём дело, а я-то думала, что тебе просто по жизни не повезло таким чокнутым родиться. А это я тебя с ума свела, вот оно что… — Я говорила спокойно, но глубоко внутри меня ярость билась о броню безразличия. Ярость такой силы, что даже моя звёздная магия не могла выжечь это чувство дотла.

— Ты не понимаешь, — вновь попытался воззвать ко мне Эфилиас.

— Я понимаю всё! — отрезала я, и в моём голосе зазвенела магия. — Ты хочешь перетянуть меня на свою сторо-

ну, пока я уязвима, пока эмоционально мертва. Но не выйдет. Именно в этом состоянии я отлично различаю чёрное и белое, свет и тьму. И вижу оттенки. Немного светлее тут, немного темнее там. Но это уже не добро и не зло, это опасный путь, ступив на который так легко скатиться на дно глубочайшей пропасти.

Некоторое время мы молчали.

— Что ты имел ввиду, когда сказал, что хотел поступить правильно с Торвейлом?

— Зачем мне отвечать, если ты не хочешь меня слушать и не веришь мне, — надулся мужчина, став похожим на обиженного ребёнка.

— Эфилиас, — не стала настаивать я, решив на пальцах объяснить ему его положение в нашей команде, — я умышленно стала копить силу и выжгла в себе эмоции: это не только поможет мне снять проклятие, но и даст мне возможность не играть по правилам пророчеств. Ещё не осознав, о чём они говорят, что именно пыталась сказать Кларисса, я предполагала, что ты попытаешься сыграть на моих чувствах. Теперь же стало ясно, что твоя единственная цель — вернуть себе силу. С моей помощью: сыграв на одиночестве, жажде быть понятой. На желании почувствовать себя счастливой и любимой. Найти лазейку в моих прошлых ошибках, в моей боли и вине. Но я этого не допущу. А посему у тебя два пути: либо ты мне помогаешь, либо я уничтожаю это тело, и можешь со спокойной совестью искать следующее.

— Я помогу, — после недолгой паузы ответил Эфилиас. — Но и тебя в покое не оставлю. Ты нужна мне. И ты будешь моей.

— Пустое, — ровно ответила я, ощущая, что ярость, до сего момента норовившая сломать оковы и вырваться на волю, пошла на убыль. — Всё это пустое. Ты не умеешь любить, все твои чувства, даже те, что кажутся добрыми, — порочны. Я не испытываю ни любви, ни страсти, ни желания. И поэтому я не смогу быть твоей.

— Я не сдамся! — Эфилиас приник к моим губам. Я не сдвинулась с места и внешне оставалась абсолютно холодной, просто позволяя ему целовать себя. Не знаю, миг это был или час, но Бог, пытающийся доказать мне, что он мужчина, отлепился от меня с возмущённым видом.

— Ты притворяешься! — разъярился он. — Зачем ты себя сдерживаешь?!

— Эфилиас, ты до сих пор не понял? Сейчас я не чувствую ничего. Ни к тебе, ни к другим людям. Даже к воспоминаниям о возлюбленном… бывшем возлюбленном. И тебе не стоит переоценивать свою привлекательность в чужих глазах.

— Но ты хотела меня! Я же чувствовал это!!!

— Истеричка, — устало пробормотала я.

— Что ты сказала?! — вскричал доведённый до помешательства владыка кошмаров.

И, видимо, он всё же сумел достучаться до меня, потому

как я ответила ему, глядя в глаза и чётко произнося каждую букву:

— ИСТЕРИЧКА. По слогам повторить?

— Ты… Ты… — от ярости Эфилиас начал плеваться слюной. — Да как ты смеешь, я…

— Жалкий, потерявший силу червяк, — услужливо подсказала я.

И тут случилось то, чего я никак не могла ожидать. Бог кошмаров неожиданно сник и замкнулся в себе.

«Обиделся, — подумала было я. — Хоть ныть перестанет…»

Я молча встала и пошла назад на обрыв. Нужно было многое обдумать. Например, что делать с моим попутчиком, когда появится Эльмир. Он явно считает, что с моей помощью сможет вернуть свои силы. Этой возможности нельзя исключать, но необходимо снизить её вероятность. Беда в том, что он может мне понадобиться для того, чтобы снять проклятие. Иначе я бы давно его…

Убила?.. А смогла бы? В своём нынешнем состоянии было очень сложно лгать себе. Я видела все сильные и слабые стороны. И да, вероятно, у меня не вышло бы убить Эфилиаса так просто. Дело здесь было даже не в его силе — сейчас он не представлял для меня угрозы; и не в том, что его дух бы выжил — это не столь важно для меня сейчас; и не в моей доброте — никогда я ею не славилась; и не в ханжестве — убила бы и не посмотрела на то, что скажет мне Кларисса…

Дело было в том, что Эфилиас был прав. Я действительно, пусть даже лишь на мгновение, ощутила желание — яркую искру, возникшую в коконе безразличия. И это было прекрасно: прекрасно снова чувствовать себя живой, желанной, чувствовать себя женщиной… Как давно, задолго до сегодняшнего дня, я перестала ощущать свою женскую сущность. Наёмница… Убийца… Неприкаянная… Прокажённая. Мной пугали детей, меня сторонились, боялись. Я стала олицетворением зла, хотя никогда не была им. Но сейчас я как никогда близка к тому, чтобы пересечь роковую черту.

Мои чувства могли стать ещё одной реальной проблемой. Не хватало ещё страстей внутри меня. Так что же мне делать? Всю свою длинную жизнь я сама принимала решения. Не собираюсь отступать и на этот раз.

Но кое-что не вписывалось в мои планы. Иначе почему остались крохи эмоций, не сгоревших в пламени моей силы? Неужели всё дело в пророчестве? Или в проклятии? Возможно, чтобы снять его, мне потребуется нечто большее, чем бездушная сила? Любовь? Нет, невозможно. Я никогда не полюблю Эфилиаса. Это просто мерзко. Наверняка здесь что-то другое. Возможно, ярость? Эфилиас был в ярости, когда проклял страну. Может, именно она должна её спасти? Клин клином, как говорится.

Так и не придя к логическому выводу, я вздохнула. Видимо, судьба подводит меня к сложнейшему выбору за всю мою жизнь — выбору, от которого будут зависеть жизни многих

людей.

Я никогда не завидовала Клариссе, которая едва выйдя из детского возраста, была вынуждена взвалить на себя ответственность за судьбу мира, за жизни людей. Она сделала свой выбор, слушаясь веления сердца, хотя он казался неверным. Она готова была пожертвовать всем ради любви. Но случилось чудо: сердце подсказало Риссе, что для неё истинная победа невозможна без искренней любви — к мужчине, к друзьям, к близким. И, сделав выбор, обрекавший мир на гибель, она подарила миру надежду… С возлюбленным она объединила два прежде враждующих королевства в могучую империю… Исполнила пророчество.

Мне будет сложнее. Я сама лишила себя возможности слышать голос сердца — закрыла ставни в комнате, где прежде всегда струился тёплый свет, и теперь осталась наедине с холодными тенями. А голос разума, чёткий и безжалостный, снова и снова твердит одно и то же: держаться от Бога кошмаров как можно дальше, не впускать в свои замыслы эту тёмную, зыбкую силу.

Но я не могу. Ведь до сих пор не знаю, как снять проклятие с Торвейла, — и в этом, как ни горько признавать, мне должен помочь Эфилиас.

Но правда ли, что без него мой план рассыплется и песком утечёт сквозь пальцы? Да или нет? Если бы ответ можно было найти так просто — прочесть в книге пророчеств, услышать в шёпоте ветра… Но его нет. Он прячется где-то между

страхом и необходимостью, между гордостью и отчаянием.

Что же со мной такое? Раньше мне не было свойственно копаться в себе, разматывать клубок собственных мотивов, выискивать скрытые причины каждого шага. Я действовала, не тратя время на долгие раздумья. И гордилась своей прямотой. Может, именно поэтому сейчас подобные мысли настигали меня с такой настойчивостью — точно прорвалась плотина, и поток сомнений хлынул с удвоенной силой.

Сейчас так быть не должно. Я должна быть собранной, безразличной к собственным и чужим недостаткам. Но, может, сама тяжесть задачи заставляет меня заглядывать за грань, туда, куда прежде я старалась не смотреть? И звёздная сила, наполняющая моё тело, не может уничтожить сомнения и поиски пути, в котором нет уверенности?

И оттого я думаю об этом так долго и так часто, что эти вопросы уже стали частью моего сознания — тихими, но неотступными, как далёкий прибой, что не умолкает ни на миг.

— Иногда мне хочется обернуться,
Вспомнить, каким человеком была…
И вернуться, о Боги, вернуться!
Туда, где когда-то жила.
Но потом вспоминаю про муки,
Вспоминаю с тоскою тебя,
Твои тёплые, нежные руки
И глаза, что смотрели, любя.
Вспоминаю слова я и ласки,

Вспоминаю твой радостный смех,
И любовь, и чудесные краски,
Поцелуи… И тяжкий мой грех.
Развели нас с тобою печали,
Увели с той дороги прямой,
На которой законы морали
Ощущались мной прочной скалой.
И, предав, мы совсем позабыли
О любви, согревающей нас,
И со скорбью слезами омыли
Свет зари, что навеки угас.

— Что это? — неожиданно спросил Эфилиас, возникший за моей спиной. — Я не помню такого пророчества.

— Нет, — тихо сказала я. — Это не пророчество. Воспоминания. Всего лишь воспоминания.

Эфилиас взглянул на меня с грустью, но не произнёс больше ни слова. В этом молчании чувствовалось что-то новое — кажется, он понемногу учится держать себя как положено и подстраиваться под обстоятельства.

— Пора спать, — предложила я, чувствуя, как наваливается усталость. — Кто знает, когда выпадет следующая возможность хоть немного отдохнуть…

Фраза замерла у меня на губах: словно издеваясь над моим предложением, землю резко встряхнуло. Не успев даже вскрикнуть, я полетела на острые камни, но в ту же секунду вскочила, и мы с Эфилиасом, не сговариваясь, уставились на

долину.

И застыли, не в силах пошевелиться.

В самом центре низины, сотканный из света и тайн, переливался и рябил город — невероятно, пугающе прекрасный Торв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.